

Андрей Платонов

ОТЛИВАНИЕ ДУШИ В СТАЛЬНУЮ ФОРМУ

-

Когнитивное толкование *В* *прекрасном и яростном мире* Андрея Платонова

Дипломная работа

Отделение языковедения
Кафедра русского языка и
культуры

Университет г. Ювяскюля

Весна 2006 г.

Ирмели Корниенко

JYVÄSKYLÄ YLIOPISTO

Tiedekunta - Faculty Humanistinen	Laitos -Department Kielten laitos
Tekijä - Author Irmeli Kornienko	
Työn nimi - Title Otlivanie dushi v stal'nuju formu - kognitivnoe tolkovanie V prekrasnom i jarostnom mire Andreja Platonova. (Kun sielu valettiin teräsmuottiin - kognitiivinen tulkinta Andrei Platonovin Ihanasta ja raivokkaasta maailmasta)	
Oppiaine - Subject Venäjän kieli	Työn laji - Level Pro gradu
Aika - Month and year Toukokuu 2006	Sivumäärä - Number of pages 64 + 9
Tiivistelmä - Abstract <p>Analysoin tutkielmassani Andrei Platonovin (1899-1951) kertomuksen Ihanassa ja raivokkaassa maailmassa (1941) välittämää tietoa kirjailijan elämästä ja Neuvostoliiton yhteiskunnan ilmiöistä maan tavoitellessa utopiaksi jäänyttä sosialismia.</p> <p>Tutkielmallani on metaforinen, sosialistiseen realismiin viittaava nimi: Kun sielu valettiin teräsmuottiin... Nimi liittyy sosialistisen realismin näkyviin symboleihin: teräkseen, rautaan ja proletaariseen työympäristöön, kuten metallivalimot. Stalinin hallinnon aikana taiteilijan sielu ei voinut elää vapaasti, vaan sen piti palvella kommunistista puoluetta sosialismin rakentamistyössä. Teräs on venäjäksi <i>stal'</i>. Sillä viittaa Staliniin.</p> <p>Kuinka Platonov pystyi kirjoittamaan yhteiskuntakriittisesti ja säilymään hengissä Neuvostoliiton 30- ja 40-luvun puhdistuksissa? Millainen oli Platonovin kognitiivinen kehitys ennen vallankumousta ja sen jälkeen sananvapautta rajoittavien ideologisten dogmien puitteissa? Neuvostolehdistö ja kustantamot sensuroivat lähes koko Platonovin tuotannon. Kätikö hän metaforisiin teksteihinsä jotakin neuvostovastaista? Mitä? Miten hän sen teki? Näihin kysymyksiin etsin vastauksia tässä tutkimuksessa.</p> <p>Selvitin ensin sosialistisen realismin syntyhistorian, koska kirjailijat joutuivat toimimaan, erityisesti v. 1934 jälkeen sosialistisen realismin lakisääteisten vaatimusten puitteissa. Pyrin myös selvittämään, mitä sosialistinen realismi tarkoitti kirjailijan kognitiivisessa toiminnassa ja luovassa ajattelussa. Perahdyin metaforateorioihin, jotka ovat osa kognitiivista kirjallisuudentutkimusta. Suomessa ja Venäjällä kognitiivinen tutkimusmetodi kirjallisuudentutkimuksessa on uusi, joten selvitin sen perusteet ja diskurssin näkökulmia tämän päivän Venäjällä. Soveltamalla Lakoffin ja Johnsonin metaforateoriaa, havaitsin, että sosialistinen realismi on metafora, joka oli läsnä Platonovin arkisessa ajattelussa ja kirjoitustyössä.</p> <p>Platonovin teoksia löytyi kirjastoista vain muutamia kappaleita kirjailijan elinaikana. Joitakin teoksia hänen laajasta tuotannostaan vapautettiin sensuurista "suojasään" aikana 60-luvulla, ja sen jälkeen vasta perestroikan ja glasnostin alettua 80-luvulla.</p> <p>Tutkimus todistaa sen, että sosialistisen realismin ajan kirjailijoiden teksteistä voidaan löytää kognitiivisen metodin avulla uutta, aikaisemmin piiloon jäänyttä tietoa. Tutkimukseni on mielestäni tärkeä Platonovin erikoisen ilmaisutavan ja koko tuotannon tutkimuksen kannalta sekä neuvostokulttuurin tarkemman tutkimuksen vuoksi. Sosialistisen realismin ajan kirjallisuus kuuluu neuvostokulttuuriin, joka tulisi mielestäni erottaa selkeämmin vanhasta venäläisestä kulttuurista.</p>	
Asiasanat - Keywords Andrei Platonov, kognitiivinen tutkimus, metaforateoria, sosialistinen realismi	
Säilytyspaikka - Depository Kielten laitos /Venäjän kieli ja kulttuuri	
Muita tietoja - Additional information	

СОДЕРЖАНИЕ

1	ВВЕДЕНИЕ	... 5
2	СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА	... 8
2.1	Процесс создания нового метода до 1934 года	... 9
2.1.1	Литературная обстановка с 1917 года	... 9
2.1.2	Значительные организации	... 10
2.1.3	Съезды писателей	... 14
2.1.4	Основные резолюции, решения и постановления	... 15
2.2	Первый Всесоюзный съезд советских писателей в 1934 г.	... 16
2.2.1	«Крестные отцы» метода соцреализма	... 17
2.2.2	Участники съезда	... 18
2.2.3	Особенности съезда	... 19
2.2.4	Определения понятия «соцреализм»	... 20
3	КОГНИТИВНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	... 22
3.1	Когниция как содержание сознания	... 23
3.1.1	Когнитивный уровень языка	... 24
3.1.2	Когниция со сменой поколений	... 24
3.1.3	Когнитивный стиль личности	... 25
3.2	Разные подходы когнитивного литературоведения в России	... 26
3.3	Теории метафоры	... 28
3.3.1	Развитие теории метафоры	... 29
3.3.1.1	<i>О теории О.М. Фрейденаберг</i>	... 29
3.3.1.2	<i>О теориях Дональда Дэвидсона и Макса Блэка</i>	... 30
3.3.2	Теория Лакоффа и Джонсона	... 31
3.4	Социалистический реализм как метафора	... 33
4	АНАЛИЗ В ПРЕКРАСНОМ И ЯРОСТНОМ МИРЕ	... 35
4.1	Выбор темы рассказа	... 36
4.2	Фабула рассказа	... 37
4.3	В поиске души автора	... 39

4.3.1	Наличие дореволюционных ценностей в мировоззрении Платонова	... 39
4.3.2	Послереволюционное развитие мировоззрения Платонова	... 40
4.3.3	Рождение писателя Платонова	... 43
4.3.4	Годы работы до написания рассказа <i>В прекрасном и яростном мире</i>	... 45
5	СОДЕРЖАНИЕ РАССКАЗА	... 48
5.1	О героях рассказа	... 49
5.1.1	Машинист А.В. Мальцев	... 49
5.1.2	Помощник Костя	... 50
5.2	Знание об опыте Платонова	... 50
5.3	Знание об условиях работы в стране	... 53
5.4	Знание о судебных разбирательствах в 1930-х годах	... 54
5.5	Знание о социально-политической обстановке страны	... 58
5.6	Знание о целях пути героев	... 59
6	ВЫВОДЫ	... 62
	ПРИЛОЖЕНИЕ № 1	... 65
	ПРИЛОЖЕНИЕ № 2	... 72
	ПРИЛОЖЕНИЕ № 3	... 73
	ИСТОЧНИКИ	
	ЛИТЕРАТУРА	

1 ВВЕДЕНИЕ

Предметом нашего исследования является толкование необыкновенного текста одного из самых ярких мастеров слова, писателя Андрея Платонова. В нашей работе мы будем анализировать его рассказ *В прекрасном и яростном мире*¹ с точки зрения когнитивного литературоведения с целью выяснить когницию Платонова и изложенную историческую информацию в данном рассказе.

Для когнитивного толкования необходимо осветить общий писательский мир и окружающую среду писателя в Советском Союзе. Платонов начал писать серьезно только после Октябрьской революции России в 1917 году, и поэтому был отнесён к пролетарским писателям. Несмотря на более или менее обеспеченное материальное положение советских писателей после 1934 года, Платонов считал необходимым для пролетарского писателя иметь и вторую профессию. Он сам временами работал мелиоратором и электротехником в сельском хозяйстве и, кроме этого, корреспондентом разных газет. Благодаря другим профессиям он был экономически довольно независимым писателем.

В 1934 году, когда в СССР был организован Союз советских писателей, тогда официально был принят новый метод в создании литературы. Его называли «социалистическим реализмом». Мы будем более подробно

¹ Приложение № 1

рассматривать рождение и сущность этого метода на основе новейшей информации во второй главе.

Исследуемое нами произведение было создано Платоновым в 1941 году, то есть, в эпоху обязательного социалистического реализма (аббревиатур «соцреализм»), который вступил в силу постановлением Правительства Советского Союза в 1934 году. В нашем исследовании нас чрезвычайно интересовал вопрос: как писатель, стремящийся к глубинному, правдивому выражению в своем творчестве, смог писать в рамках жестких ограничений тоталитарной власти, не будучи лично репрессирован. Платонов, несомненно, знал как. После 1934 года его тексты соответствовали, по большей части, требованиям соцреалистического метода. Он писал эксплицитно по методу, но, как мы покажем далее в нашей работе, имплицитно истинно реалистически.

Первая часть в названии нашей работы **«Отливание души в стальную форму** – когнитивное толкование *В прекрасном и яростном мире* Андрея Платонова» является метафорической и частично указывает точку зрения исследования. Название связано с наружными символами социалистического реализма и среды работы пролетариев: литейные заводы, сталь и железо. Об этом следовало писать советским писателям, например, Н. Островский «Как закалялась сталь» (1934 г.), В. Катаев «Время, вперед!» (1934 г.) и др. Под властью Сталина человеческую душу, в некотором смысле, отливали в жесткую форму. В этой форме было очень трудно писать свободно, и даже жить «нормально». Со словом «сталь» связан псевдоним Иосифа Виссарионовича Джугашвили – Сталин, который был вождь Коммунистической Партии, инициатор соцреализма как обслуживающего идеологию искусства. Эту метафору трудно понять и толковать, не зная советских реалий, поэтому в каждой главе, в качестве примера, мы освещаем положение Андрея Платонова в свете тогдашних исторических событий.

Характерным для использованного нами когнитивного подхода в данной работе является поиск ответа на вечный в литературоведении вопрос: Значение - в чем оно? Как оно создается? Согласно когнитивистам значение заложено во всех реалиях и информации, которые влияют на писателя и его творчество. Эпистемологические вопросы являются важными в толковании текстов. Мы проходим по дорогам жизни Платонова, чтобы придать фоновую информацию о развитии когнитивного осмысления и познания мира писателем. В поиске значения в текстах, в когнитивном направлении используют, прежде всего, теории метафоры. Метафоры не являются только явлением языка, они заложены и в представлениях, системах познания и в мышлении, как это утверждают теоретики метафоры Лакофф и Джонсон. Их теорию мы применяем в связи с когнитивным исследовательским методом в третьей главе.

В четвертой и пятой, в самых важных главах данного исследования, мы будем, в соответствии с исследованными во второй и третьей главе фактами, анализировать когницию и текста Платонова.

Мы уверены, что исследование соцреалистической литературы с когнитивной точки зрения, дает возможность раскрыть новую, спрятанную в советской литературе информацию о жизни народа в СССР. Наше исследование является также важным для лучшего понимания разницы и сходства советской и русской культуры. Социалистический реализм в искусстве, в литературе Советского Союза являлся феноменом советской культуры, которая была создана искусственно, насильно, как эксперимент, а не родилась путем естественного, свободного развития. Когнитивный подход в исследовании советской литературы является новым. После падения Советского Союза в 1991 году было получено очень много новой информации из ранее закрытых архивов. Нам не удалось обнаружить соответствующих выбранной нами точке зрения исследований по этой теме.

2 СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В наши дни всё ещё, в средствах массовой информации, социалистический реализм определяют фразой из исследований 70-х годов: «это искусство с 1917 по 1991 гг., которое является реалистическим по форме и социалистическим по содержанию». Так, например, пишут в финском журнале *Venäjän aika* 1/2006 (Granholm 2006: 53). Соцреализм был мало исследован до падения СССР, и поэтому это определение осталось жить. Однако, мы не можем согласиться с этой фразой и покажем, почему.

Во-первых, метод не существовал официально в первые годы после революции 1917 года. Вопросы литературы, в период укрепления власти не стояли на первом месте в планах большевиков. Общеизвестно, что В.И. Ленин имел консервативный вкус по литературе. Он читал как произведения европейских писателей, так и русских классиков. Ленин не требовал участия партии в делах художественной литературы - возможно, не успел. Богатая литературная культура России сохранилась в революционных потрясениях, террора и гражданской войны, как важнейший элемент духовной жизни страны. Продолжали писать такие талантливые писатели и поэты как М. Зощенко, Б. Пастернак, О. Мандельштам, А. Ахматова и др. Они создали произведения, которые стали классиками литературы новейшего времени. Появились и новые писатели: М.

Булгаков, И. Бабель, А. Платонов, Б. Пильняк и др. Официально соцреализм вступил в силу только после первого съезда советских писателей в 1934 году.

Во-вторых, в соответствии с нашими исследованиями, это искусство не было реалистическим. Оно было «партийно-реалистическим» по форме, независимо от того, идет ли речь о реализме в качестве направления искусства 19-го века, или, о реализме в смысле правдивости. В-третьих, по нашему мнению, оно не было чисто социалистическим по содержанию, а «социалистическо-утопическим».

2.1 Процесс создания нового метода до 1934 года

До 1934 года в России (и в СССР) всегда было большое количество различных литературных групп, писательских организаций, различных школ и «школок», течений и направлений. Ранее группы объединялись на основе взглядов: футуризм, символизм, модернизм, акмеизм и др. В послереволюционное время основными причинами в создании группировок были, больше всего, плохие социально-бытовые условия существования для творческого человека.

2.1.1 Литературная обстановка с 1917 года

Каждый послереволюционный писатель был членом какой-либо писательской организации, и большинство из них верили в лучшее социалистическое будущее, как, например, Андрей Платонов. В 1918 году он часто выступает в Коммунистическом союзе журналистов на дискуссиях о пролетарской и буржуазной культуре. Его статьи, стихи и рассказы постоянно печатаются в коммунистических газетах «Воронежская коммуна», «Железный путь» и др. (Корниенко 2005: 1). В первые послереволюционные годы было еще возможно писать в любом литературном направлении, но уже тогда «слишком» критические произведения не публиковали. Нередко «неподходящих» для властей

интеллигентов отправляли в лагеря, за границу или они репрессировались иначе: не печатались, подвергались обструкции и т.д.

Платонов написал *Усомнившийся Макар*, *Чевенгур* и *Котлован*, которые были запрещены в СССР, уже в 1926 – 1930 годах. Такие решения были сделаны издательствами, несмотря на то, что в эти годы метод социалистического реализма не был ещё обязательным согласно законодательству. Метод был тогда еще в процессе проектирования органами коммунистической власти.

В послереволюционной стране много более важных вопросов, чем вопросы литературы и положение писателей, которые ожидали обсуждения и решения. Когда же подошел время решить вопрос литературы, то в основу литературной политики были взяты идеи статьи Ленина, написанной им в 1905 году: *Партийная организация и партийная литература*. В этой статье Ленин определял, например, термин «партийность» в искусстве: литераторам необходимо участвовать в строительстве социалистического общества. Однако, следует отметить, что Ленин говорил о деятельности всех занимающихся публикациями и письменными работами – это не касалось художественной литературы. (Pesonen 1978: 49.) Статья Ленина вызвала критику в литературных кругах того времени (Моциэнок 2006).

2.1.3 Значительные организации

Пролеткульт был организован за неделю до Октябрьской революции. Целью этой организации являлось создание новой пролетарской культуры. Почти во всех крупных городах страны существовали отделения Пролеткульта и свои печатные органы: в Москве - журнал "Пролетарская культура", а в Петербурге "Грядущее". В 1918-1920 годах Пролеткультом издавались поддерживаемые правительством журналы "Пламя" (Петроград) и "Творчество" (Москва). Сотрудничавшие с Пролеткультом писатели имели в это голодное время много всяких

привилегий. Организация была ликвидирована уже в начале 20-х годов. Причиной ликвидации, согласно А.В. Луначарскому (Нарком просвещения) являлось желание Ленина, по которому он не хотел создания рядом с большевистской партией конкурирующей рабочей организации. (Московские писатели 2006).

В 1918 году были созданы три союза: **Союз деятелей художественной литературы (СДХЛ 1918-1919 гг.)**, **Всероссийский союз поэтов (1918 – 1929 гг.)** и **Всероссийский союз писателей (1918-1919 гг.)**. Последний союз имел только Московское и Петроградское отделение и существовал только один год. СДХЛ был самый большой из указанных союзов. В создании и работе Союза принимали участие М. Горький, А. Блок, Н. Гумилев, К. Чуковский, А. Куприн, Е. Замятин, и др. В Уставе Союза говорилось, что действие Союза распространяется на всю территорию России. СДХЛ ставил перед собой задачи защиты деятелей литературы и помощи начинающим писателям. Стремление помочь своим членам материально было определяющим, но не единственным стимулом возникновения Союза. СДХЛ в этот период был неким литературным центром, который объединил большую часть русских писателей, и представлял их профессиональные интересы почти во всей стране. В мае 1919 года, из-за возникшего в руководстве союза конфликта, он прекратил свое существование. (Московские писатели 2006).

Объединив поэтов разных направлений и школ, Союз поэтов способствовал изданию книг, альманахов и поэтических сборников, устраивал литературные вечера. Его существование в Москве и в Петрограде было связано, например, с именами А. Блока, Н. Гумилева, В. Каменского, В. Брюсова, Г. Шенгели, Н. Тихонова.

Всероссийский Союз крестьянских писателей и **Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП)** были основаны в 1921 году. На создание ВАППа повлияли группа «Кузница», члены которой

ранее вышли из Пролеткульта. Деятельность этой ассоциации содействовала весьма сильно в создании социалистического реализма. (Московские писатели 2006).

Организация **Левое фронта искусства (ЛЕФ)** существовала с 1922 по 1929. Словосочетание "социальный заказ" стал известным в связи с деятельностью этой организации. У них были такие требования, как например: "от крайней автономии художественной формы к идее полного прагматизма и социологическому подходу к литературе". (Московские писатели 2006).

В 1925 году переименовали Всероссийский Союз крестьянских писателей во **Всероссийское объединение крестьянских писателей (ВОКП)**. В духе резолюции ЦК РКП (б) от того же года платформа ВОКП стала строиться на эклектическом соединении "пролетарской" идеологии и "крестьянских образов". Истинным крестьянским поэтам уже не было здесь места. Известной стала фраза: «Так Демьяну Бедному было место, а Сергею Есенину – нет». (Московские писатели 2006).

Образование **Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП)**, сформировалась в январе 1925 года в рамках ВАПП. Сталин её сильно критиковал, например, в журнале «Знамя» руководство и писатели-коммунисты, «попучики» РАППа, которые изо всех сил старались оправдать доверие вождя (Громов 1992:116). Сталин до конца его жизни относился к рапповцам отрицательно, потому что они хотели слишком самостоятельно по его мнению быть представителями партии в литературе.

Творческое объединение **Перевал** было создано 1923 году. Руководителем объединения был А.К. Воронский. Он заявил в своем письме от 12-го марта 1930 года в ЦК ВКП(б), что «писатели *Перевала* ближе к революции, органичнее воспринимают ее. Члены не обросли ни договорами "на полное собрание сочинений", ни дачами, ни домами, ни мебелью, ни "славой", которые довались писателям в качестве

поощрения: Ленинские и Сталинские премия за идеологически «правильные» произведения. В работе *Перевала*, целью являлось, в частности, искать новый жанр и стиль в советской литературе.

Андрей Платонов был некоторое время членом этого объединения. После знакомства с «правильными» писателями, он ушел из организации из-за сильной критики направленной в адрес в этой организации. Конец 1929 года станет началом пристального внимания критики со стороны отрицательных органов к писателю Платонову. Поводом для этого послужили рассказы *Че-Че-О*, *Государственный житель* и *Усомнившийся Макар* (Корниенко 2005:3).

Был проведён "образцово-показательный" суд над *Перевалом*, после чего любителей идти вразрез с литературной политикой партии сразу поубавилось. Объединение был ликвидировано 1932 году. (Московские писатели 2006).

Всероссийское объединение крестьянских писателей ВОКП переименовывается в 1931 году в организацию ***Пролетарско-колхозных писателей***. Это соответствовало проводимой в стране политике "раскрестьянивания". (Московские писатели 2006).

Те писатели, которые были против «новой системы», эмигрировали за границу до 1928 года, например, В. Набоков, И. Бунин, М. Цветаева и многие другие. Однако, с другой стороны, многие, поверив возможностям революции, вернулись обратно в новый Советский Союз. Максим Горький, например, вернулся из Италии в 1933 году. Некоторые писатели, кроме Горького, которые имели деньги, ездили постоянно в других странах, как В. Маяковский, А. Ахматова, А.Белый, А. Толстой и др..

Еще в 1921 году одни писатели, которые не эмигрировали за границу, но были против политизирования литературы и требовали

независимости искусства, организовали группу «Серрапионовы Братья». (Московские писатели 2006).

2.1.3 Съезды писателей

Первый всероссийский съезд пролетарских писателей состоялся в Москве 18-21 октября 1920 г. в Доме Печати. Участников было всего 142 человека.

Первый всесоюзный съезд пролетарских писателей был организован в 1928 году. Он реорганизовал Всероссийскую ассоциацию пролетарских писателей (ВАПП). Пролетарские ассоциации всех национальных республик были объединены в ВОАПП, а во главе этого Всесоюзного объединения ассоциации пролетарских писателей стала РАПП. Именно она была призвана объединить все творческие силы рабочего класса страны и повести за собою всю литературу, воспитывая также писателей из интеллигенции и крестьян в духе коммунистического мировоззрения и мироощущения. РАПП унаследовала и даже усилила вульгарно-социологические нигилистические тенденции Пролеткульта. Она заявила о себе не только как о пролетарской писательской организации, но и как о представителе партии в литературе. Выступления против своей платформы она рассматривала как выступления против партии. РАПП требовал установления гегемонии пролетарских писателей административным путем, посредством передачи им органов печати, вытеснения "попутчиков" из журналов и сборников. (Московские писатели 2006.)

В первом Всероссийском съезде крестьянских писателей в 1929 году выступали Луначарский и Горький. Они говорили о том, что стране нужен особый крестьянский писатель, идеологические устремления которого были бы «пролетарскими».

К концу 20-х - началу 30-х годов с литературной сцены СССР практически исчезают все «непролетарские» писательские группы.

2.1.4 Основные резолюции, решения и постановления

Резолюции ЦК РКП(б) от 1925 года «О политике партии в области художественной литературы». В резолюции выдвигался тезис о свободном соревновании различных группировок и течений. Но свобода тут же ограничивалась - соревнование должно проходить на основе пролетарской идеологии.

По мысли вождя, настало время объединить разрозненные враждующие друг с другом группы писателей в единую организацию, подконтрольную партии. Работа по подготовке съезда длилась более двух лет под руководством Оргкомитета, первым председателем которого стал И. М. Гронский, выполнявший прямые указания Сталина. Впоследствии он вспоминал, что в 1932 - 1933 годах ему неоднократно приходилось организовывать встречи, на которых в присутствии руководителей партии вырабатывалась литературная политика, и шел разговор о создании нового метода - социалистического реализма (Шохина 2006.)

Андрей Платонов участвовал в одной из встреч. Первого февраля 1932 году он выступил с творческим самоотчетом о своей идеологической перестройке на собрании советских писателей (Корниенко 2004: 3-4).

23-го марта 1932 года подписали на правительственном уровне постановление ЦК ВКП(б) "О перестройке литературно-художественных организаций"² Следующий день на первой странице газеты "Правда", было напечатано постановление ЦК ВКП(б). В нем говорилось о ликвидации ВОАПП и РАПП, коренной перестройке литературно-художественных организаций и объединении всех писателей, поддерживающих платформу советской власти, в Союз Советских писателей. Сразу же в 1932 году в СССР началась активная подготовка к проведению первого съезда советских писателей.

² Приложение № 2

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР "О Литературном фонде Союза ССР", был образован Литературный фонд СССР 28-го июля 1934 года. Этим же постановлением был определен основной источник денежных средств Литературного фонда: отчисления издательств художественной литературы и редакций журналов и отчисления от зрелищных предприятий. (Московские писатели 2006.)

В связи с вышеуказанными фактами, мы уверены, что Союз советских писателей, который существовал до падения Советского Союза, был следствием необходимостей: во-первых, идеологической, во-вторых, практической и бытовой и только, в-третьих – творческой. Творчество писателей в то время, находилось в тесной зависимости от одобрения идеологических критиков текста: если критики считали писателя или произведения антисоветским или «вредным», его не публиковали, и писатель оставался без денег. Из этого следовало, что как жизнь, так и творчество, оказались в весьма тяжелой ситуации.

Андрей Платонов мог существовать и писать, так как у него были и другие профессии, как уже говорили, для обеспечения своей бытовой базы.

2.2 Первый Всесоюзный съезд советских писателей в 1934 году

Важным шагом на пути созыва Съезда советских писателей (ССП) было вышеуказанное Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 1932 года *О перестройке литературно-художественных организаций*. Были ликвидированы ассоциации пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП). Настало время начать курс на объединение всех писателей, поддерживавших платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем. Было принято также решение о разработке мер по проведению этого решения

в жизнь. Вся подготовительная работа к съезду велась под бдительным контролем ПБ и ЦК ВКП(б). (Беляев 2004.)

Был организован Оргкомитет Союза советских писателей по РСФСР в составе 24 человек. В него вошли, например М. Горький, в качестве почетного председателя, и И.М. Гронский – председатель союза и секретарь фракции ВКП (б) на съезде писателей. Дата съезда переносилась несколько раз. Первоначально он планировался на 1932 год, но, в конце концов, его провели с 17 августа по 1 сентября 1934 года. (Моциенок 2006.)

2.2.1 «Крёстные отцы» метода соцреализма

Идею объединения писателей в новом однопартийном обществе после Революции в 1917 году, заметил первым уже в начале 20-х годов Евгений Замятин в романе *Мы*, где он рассказал о Едином Государстве, в котором вся литература представлена Институтом Государственных Поэтов и Писателей, журналистика — Государственной Газетой.

В воздухе носилась и идея социалистического реализма. Для решения вопроса «о методе» создается специальная Комиссия Политбюро. В Комиссию входит генеральный секретарь Сталин, член Политбюро Каганович, кандидат в члены Политбюро Постышев, заведующий Агитпропом ЦК Стецкий, и единственный "чистый" литератор Иван Гронский. Максим Горький в Комиссию не входит. (Шохина 2006). Таким образом, «честь» разработки метода «социалистического реализма» принадлежит И.М. Гронскому вместе Сталиным, а не Максиму Горькому, как раньше многие предполагали. (Басинский 2004.)

В качестве названия предлагались «пролетарский социалистический реализм» и «коммунистический реализм». Эпитет «пролетарский» Сталин благоразумно отвергает — ведь надо объединять творцов разного социалистического происхождения. «Коммунистический реализм» кажется ему преждевременным. Вопрос о «соцреализме»

Гронский озвучил первый раз в «Литературной газете» уже в 1932 году. (Беляев 2004.)

2.2.2 Участники съезда

В нашем исследовании мы обратили внимание на то, что большинство участников первого съезда советских писателей росли в царское время. Средний возраст делегатов съезда был 35,9 года. Они получили образование в царской России, знали наизусть «Отче наш», пели не только «Интернационал», но и «Боже, царя храни». Каждый четвертый делегат съезда был дореволюционной закваски и сформировался в литературном отношении до большевиков (Беляев 2004). Таковым был и Андрей Платонов, родившийся в 1899 году. Почти половина участников съезда, в том числе Платонов, стала публиковаться в 1918—1926 годах.

Список делегатов включал 597 человек. Из них 377 человек имели решающий голос, 220 – только совещательный. Среди делегатов были 142 беспартийных, около 70% из всех участников были выходцами из рабочей и крестьянской среды. Представлены были писатели и поэты 52 национальностей страны, в том числе русские 201, евреи 113, грузины 28, украинцы 25, армяне 19, татары 19, белорусы 17 и т.д. Женщин из всех делегатов было только 3,7%. (Моциэнок 2006.)

На съезде присутствовали также 40 иностранных писателей, в том числе левые писатели: Луи Арагон, Мартин Андерсен Нексе, Жан-Ришар Блок, Вилли Бредель и др. Некоторые из них выступили в прениях. Таким образом, власть могла надеяться на предсказуемые, соответствующие тогдашней идеологии и политике решения писательского съезда (Моциэнок 2006.)

Андрей Платонов участвовал в съезде в составе группы писателей Туркмении, потому что он работал в то время корреспондентом Туркменистане. Он уехал туда из Москвы из-за давления критики, в которой его называли «агентом буржуазии и кулачества в литературе»

(Корниенко 2004 3.) На съезде писателей имя Платонова даже не упоминалось.

2.2.3 Особенности съезда

Съезд открыл А.М. Горький, «буревестник революции». (Позднее в СССР его стали называть «горевестником») Он выступал с пафосом, как апологет советской системы и сказал, в частности:

«Мы - враги собственности, страшной и подлой богини буржуазного мира, враги зоологического индивидуализма, утверждаемого религией этой богини... Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ильича Ленина, в стране, где неумолимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина». Советская литература должна быть организована как единое коллективное целое, как мощное орудие социалистической культуры» (Моциэнок 2006).

Сталин находился во время съезда на отдыхе в Сочи, но депеши и доклады из Москвы приходили едва ли не в режиме реального времени.

На съезде обсудили вопросы развития культуры в мире, ее роли в обществе, высказывались мысли о кризисе «старого мира» и т.д. Горький взял на себя ответственную роль посредника, моста между писателями и властью. Он был нужен Сталину, однако, после завершения съезда писателей Горького фактически оттеснили от практического руководства новым творческим союзом (Громов 1992: 119).

За работой съезда пристально следили не только советские читатели и писатели. Среди рассекреченных к концу прошлого века документов есть и такой :

"Спецсообщение секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР "О ходе Всесоюзного съезда советских писателей. Отклики писателей на работу съезда". Вот что доносят стукачи из кулуаров съезда. Бабель: "...так как все это делается искусственно, из-под палки, то съезд

проходит мертво, как царский парад..." Украинский поэт Михаил Семенко: "Все идет настолько гладко, что меня одолевает просто маниакальное желание взять кусок говна или дохлой рыбы и бросить в президиум съезда (Беляев 2004).

Согласно архивам А.М. Горького из 597 делегатов съезда, 180 было репрессировано. Из 101 члена правления, которых избрали на съезде, репрессировано было 33. Почему один выжил, и другой нет, нам бессмысленно гадать. Исследователи до наших дней не нашли никакой закономерности для решений Сталина. (Шохина 2006.)

2.2.4 Определения понятия «соцреализм»

Точное определение социалистического реализма дано в Уставе Союза советских писателей в 1934 года:

Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма (Синявский 2006)

В соответствии со Словарем литературоведческих терминов социалистический реализм:

...Творческий метод литературы и искусства, отражающий борьбу народов за социализм и участвующий в этой борьбе силой художественного слова. Данный метод, как ни один другой, был политизирован. ... (Елисеев & Полякова 2002: 220-225.)

Особенностями социалистического реализма по указанному словарю являются:

... Новый тип героя, созданный в 30-е годы, проявлял себя в действии, причем в самых экстремальных ситуациях (*Как закалялась сталь* Н. Островского) «Положительный герой» - это святая святых

соцреализма, главное достижение. Положительный герой – это человек, озаренный светом самого идеального идеала, образец, достойный всякого подражания. Достоинства его – ясность и прямота, с какой он видит цель и к ней устремляется, никогда не раскаивается в содеянном и если бывает недоволен собой, то только потому, что мог бы сделать больше...

...Образы Ленина и Сталина в миллионах экземплярах воспроизводились в прозе, в поэзии, в драматургии, в музыке, в кино. «Культ героя», «настоящего человека», неотделим в советском искусстве от «культа вождя»... (Елисеев & Полякова 2002: 220-225.)

Однако, насколько мы знаем литературу эпохи соцреализма, нам следует напомнить, что в Советском Союзе работали многие талантливые писатели, которые и в это время писали свои не соцреалистические произведения, но их жестоко цензурировали или не печатали. Поэтому читатели их не знали. Эти произведения появлялись только во времена «оттепелей» или за рубежом. Это придавало динамику соцреализму, а также, по мере того как менялась линия партии, видоизменялись произведения писателей соцреалистов, иллюстрировавших линию партии.

В следующей главе мы представляем метод нашего исследования – когнитивное исследование. В связи с этим, мы предложим основы для дополнительного определения соцреализма, который, по нашему мнению, является метафорой.

3 КОГНИТИВНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В последние годы можно найти много теорий, обновляющих уже существующие теории литературоведения. Есть новый критицизм (New criticism), который уже стал старым, структурализм, деконструктивизм. Некоторые из них базируются на тексте, другие на читателе текста, на контексте или на интертекстуализации. Согласно разным теориям можно как бы задавать вопросы: В чем заложено значение в тексте? Что писатель хочет сказать? Что это значит? Можно ли в тексте найти какой-то подтекст – выражающий другие значения - спрятанные в словах или формах выражения?

Вопрос о познании, разуме литературы был предметом рассуждений с незапамятных времен, например, в философии, эстетике и литературоведении. Приняв термин «когниция» в качестве ключевого, это направление обрекло себя на обвинения в якобы перепевах в новых терминах того, что уже давно было известно. Наше столетие прошло под знаком *когниции*. Внешне когнитивисты отличаются от предшественников очень широким использованием информационно-поисковых метафор и образов. Когниция для когнитивистов – это процедуры, связанные с приобретением, использованием, хранением, передачей и выработкой знаний (Hautamäki 1988: 11).

В когнитивном литературоведении ищут, по-прежнему, ответа на вопрос «в чем значение» не только в сущности писателя, не только в тексте или структуре, но во всех реалиях, которые влияют на писателя и на его творчество. Значение, согласно когнитивистам, в постоянном процессе между читателем и текстом. В этом процессе язык является скорее «органом надстройки» или «двухсторонней калибровкой», чем только системой рецепции информации. Значение формируется окончательно в промежутке между глазами читателя и текста, который он читает. Каждый индивид понимает реалии текста соответственно своему знанию, своими «глазами», которые в широком смысле значат читателя своей когниции.

В когнитивном литературоведении считаются важными языковость, то есть, имеем возможность создавать и виртуальные миры с помощью языка и коммуникативность, а не эмпирические результаты исследования текстов (Kajannes & Kirstinä 2000: 53-54).

3.1 Когниция, содержание сознания

Этимологические корни слова *когниция* лежат в латинском слове *cognoscere*, значение которого *узнать*. Понятие когниции включает себе не только утонченные занятия человеческого духа, такие как знание, сознание, разум, мышление, представление, творчество, разработка планов и стратегий, размышление, символизация, логический вывод, решение проблем, делание наглядным, классифицирование, соотнесение, фантазирование и мечты, но и процессы более земные, такие как организация моторики, восприятие, мысленные образы, воспоминание, внимание и узнавание (Демьянков 1994: 23). К необходимым условиям когниции относится также мимезис, который связан с подражанием или имитацией реальности. В наши дни довлеет, в частности, представление, что литература – это имитация реальности (Kajannes & Kirstinä 2000: 49).

3.1.1 Когнитивный уровень языка

Данная работа связана с платоновским текстом и его интерпретацией, поэтому нас интересуют, в принципе, все исследования языка, металингвистические операции и речевые коды. Один из самых известных в мире исследователей языка, русский по происхождению, Роман Jakobson, писал, что главное различие между языками состоит не в том, что они могут выразить, а в том, что они должны выражать. «Внимание говорящих и слушающих на родном языке будет постоянно сосредоточено на таких именно единицах, которые обладают статусом принудительности в их речевом коде. В своей когнитивной функции язык в минимальной степени зависит от грамматической структуры, потому что определение нашего опыта находится в дополнительном отношении к металингвистическим операциям: когнитивный уровень языка не только допускает, но и прямо требует интерпретации-перекодировки, т.е. перевода (translation)». (Демьянков 1994: 29.)

В когнитивном направлении литературоведения исследуется несколько более активно восприятие, чем продуцирование речи, поэтому, для исследований текстов и кодов языка Платонова лучше всего подходит нам именно когнитивный подход.

3.1.2 Когниция со сменой поколений

Когниция посвящена увеличению знания, развитию общества и человека. Она исходит из того, что, когда мир меняется, меняются и наши когниция относительно мира, человека, и, например текстов писателей. Филологическое исследование показало, что у Шекспира в отличие от предшественников, пьесы структурированы так, чтобы еще до основного действия сделать понятными зрителю намерения героев. Иначе говоря, Шекспир помогает своим читателям выработать ожидания. Этого не было у авторов до Шекспира. (Демьянков 1994: 26). Можем сделать вывод, что шекспировская эпоха была временем своеобразной «когнитивной революции». Тогда изменились

«механизмы» когниции у целого поколения. Можно предположить, что такой же переход повторяется в наши дни – по мере взросления человека 20-го и 21-го веков.

После падения СССР в 1991 году, например, везде в мире в литературных кругах возник большой исследовательский интерес к тем текстам Платонова, которые раньше не были опубликованы. Перестройка, по нашему мнению, повлияла положительно на развитие когнитивного литературоведения в России.

3.1.3 Когнитивный стиль личности

Каждому человеку свойственен свой когнитивный стиль. В широком смысле, когнитивный стиль показывает, какой у человека предпочитаемый подход к решению проблем. Этот стиль характеризует поведение индивида относительно целого ряда ситуаций вне зависимости от интеллектуального уровня индивида, то есть, его «компетенции».

В наших исследованиях текстов писателя А. Платонова мы обратили внимание на его когнитивное развитие. Когда Платонов, например, в 1929-30 годах, написал *Котлован*, его когниция была другая, чем перед войной в 1940 году, когда он написал *В прекрасном и яростном мире*.

В отличие от других научных подходов к поведению человека и его когниции, когнитивисты стремятся формулировать свои гипотезы в терминах самих ментальных процессов, не сводимых ни к стимулам и реакциям, ни к взаимодействию клеток организма. Это – попытка функционально идентифицировать ментальные состояния, в терминах их взаимодействия между собой, в абстракции от материальной реализации в мозгу.

В «когнитивной теории личности» сосредоточиваются не на фазе собственно восприятия, а на том, что происходит затем – условно эту

другую фазу называют «переработкой информации». (Демьянков 1994: 18).

3.2 Разные подходы когнитивного литературоведения в России

Во время главенства социалистического реализма в СССР творческим людям было ясно, каким образом можно писать или создавать произведения других видов искусства, а каким нет, чтобы произведение могло считаться «настоящим» искусством. Оценки искусства были составлены в соответствии с коммунистическими идеологическими критериями, одобренными Коммунистической партией. Сегодня в искусстве господствуют более свободные «ветры» и его также исследуют с многих сторон. По нашему определению, художественные тексты Платонова, «платоновский язык», являются отличными объектами исследования именно с точки зрения когнитивного литературоведения. Тексты содержат определенную информацию, которую писатель имел и хотел передать своим читателям. Сравнение текстов, написанных разными авторами в разное время советского периода, с текстами Платонова, показывает, как реализуются условия когнитивного литературоведения, то есть, результаты полученной информации когнитивным путем, например из истории СССР, могут быть совсем другие.

Исследовательница Л. В Борисова говорила в Интернет - конференции "Рефлексия. Смысл. Герменевтика", проведенной в 2003 году, о когнитивном литературоведении таким же образом, как и большинство исследователей в наше время. Она, в частности, сказала:

С точки зрения понимания, одним из модулей когнитивной системы человека, является "реконструкция намерений автора".

Именно это является одним из важнейших предметов нашего исследования. Выяснить, какие намерения Платонов имел и почему он выразил их такими словами и такими метафорами.

В когнитивном литературоведении теоретики обращают внимание на разные аспекты в отношениях «автор-текст-читатель». Борисова разделяет литературоведческие теории следующим образом:

Когнитивно-интуитивный подход	Когнитивно-дискурсивный подход	Собственно когнитивный подход
<p>Важное:</p> <ul style="list-style-type: none"> - текст – читатель - проблема интертекстуальности 	<p>Важное:</p> <ul style="list-style-type: none"> - текст, чтобы «найти автора» - исследуют пост-структуралистско-постмодернистско-деконструктивистские комплексы 	<p>Важное:</p> <ul style="list-style-type: none"> - автор – текст - «внеходимость» автора (т.е. где «Я» вне текста)

Итак, в *когнитивно-интуитивном подходе* теоретики обращают внимание на проблему «текст-читатель». Проблема текст-читатель - это, излагает Борисова - прежде всего, проблема интертекстуальности, основанной на культурном бессознательном. Уже Фридрих Шлейермахер (1768-1834 гг.), немецкий теолог и философ, который сделал революционный шаг в становлении герменевтики как самостоятельной дисциплины и расширил сферу подлежащих истолкованию текстов, утверждал, что неограниченный плюрализм точек зрения есть основа когнитивно-интуитивного подхода, который отражает широту взглядов самого интерпретатора, и «помогает понять текст лучше, чем сам его автор».

Теоретики, работающие в рамках пост-структуралистско-постмодернистско-деконструктивистского комплекса ставят в центр исследования текст, что позволяет говорить о *когнитивно-дискурсивном подходе*. Согласно Борисовой:

...чтобы "найти автора" в произведении, то есть выявить его когнитивную систему, необходимо придерживаться определённых

методик, чему способствует когнитивно-дискурсивный подход (Борисова 2003).

Собственно когнитивный подход имеет отношение к проблеме «автор-текст».

... выявление когнитивной авторской системы произведения с опорой на бахтинскую концепцию "внезаходимости" автора - имеет отношение к проблеме "автор-текст". При этом основное внимание уделяется системе персонажей с точки зрения их взаимоотношений "вне и внутри себя": Я-для-себя, Я-для Другого, не-Я-во-мне и над-Я. (Борисова 2003)

По нашему мнению, мышление автора можно выяснить и результативнее раскрывать путём когнитивного литературоведения, чем, например, эмпирическим или другим традиционным путём, особенно когда исследуешь произведения такого сложного писателя как А. Платонов.

3.3 Теории метафоры

Теории метафоры являются важной частью когнитивного литературоведения. Некоторые сторонники этого направления считают, что задача метафоры – раскрытие истины (Kajannes & Kirstinä 2000: 50). Но истина является вопросом трактовки и толкования, а также имеется зависимость, например, от контекста и культуры. Абсолютной истины не существует (Lakoff & Johnsson 1980: 159). В толковании «истины» именно метафора может играть роль инструмента ее открывания. Один из важных эффектов метафоры в том, что она показывает контраст между обычным и необычным. «Обычное» служит фоном для «необычного».

Метафоры являются культурными феноменами (Kajannes & Kirstinä 2000: 66). Члены одной и той же культуры имеют общие основные метафоры, которые управляют их мышлением и толкованием в жизни.

Значение метафоры заложено именно в представлениях, которые «спрятаны» в словах писателя художественных текстов. Этот тезис находит подтверждение в рассказах Платонова.

3.3.1 Развитие теории метафоры

Традиционной теорией метафоры является теория Аристотеля. Согласно Аристотелю, элементы языка, как например, предложения и слова, имеют отдельные буквальные и метафорические значения. В этом традиционном представлении значение метафоры четко семантическое, и его можно заменять другим буквальным элементом, эквивалентом. Пример перенесения из вида в род: "Да, Одиссей совершил десятки тысяч дел добрых". Десятки тысяч - вообще большое число, и этими словами тут воспользовался поэт вместо "множество". (Aristoteles 1967: 55-57.)

3.3.1.1 О теории О.М. Фрейденберг

В наших исследованиях мы нашли интересную советскую теорию. Эта теория Ольги Михайловны Фрейденберг (1890-1955 гг.). Она уже создала свою теорию в то время, когда Андрей Платонов писал свои произведения. Фрейденберг пишет о свойствах архаического мифологического мышления во многих ранних работах, но самым важным в ее научной деятельности относительно метафоры, мы считаем ее диссертацию *Поэтика сюжета и жанра* (1936 г.).

Согласно Фрейденберг (как и по Лакоффу и Джонсону), метафора имеет отношение, прежде всего, не к языковой, а к когнитивной сфере. Разные мифологические выражения даны не прямо, но только в своих «транскрипциях». Эти мысли близки и к некоторым идеям современных когнитивистов о метафоре. Метафора, согласно Фрейденберг, это понятие, а не просто словесное украшение.

Метафора всегда предполагает необходимость какого-то правильного сочетания: что переносится и на что переносится. Эта правильность зависит от совместимости ассоциативных смыслов, связанных с обоими словами-образами, причем понятно, что в разных культурах и разных языках смысловое представление того или иного слова будет различной – поэтому в других языках возможны метафоры, которым противится, например, русское ухо.

Одним примером из исследований метафоры Фрейденберг может быть следующий: воля, как известно – это «орудие» для достижения чего-либо. Железные орудия удобные, прочные, негибкие. Иногда мы говорим вместо целеустремленной воли о негибкой или «железной воле». У греков, по Фрейденберг, представления о воле отличаются от наших. Там не может быть речи о негибкости человеческой воли, потому что воля была только в руках богов.

В связи с вышеуказанным примером Фрейденберг, можно понимать частично также положение Платонова и советских писателей во время выполнения ими метода социалистического реализма, когда правда и воля была «вверху» в руках коммунистических идеологов.

3.3.1.2 О теориях Дональда Дэвидсона и Макса Блэка

Американцы Дональд Дэвидсон (1917- 2003 гг.) и Макс Блэк (1909-1988 гг.) имеют противоположные представления, чем у Аристотеля. Дэвидсон заметил, что даже нет надобности для разделения значения слов на метафорические и буквальные. Он подчеркнул, что слово имеет только одно значение: “буквальное, и более никакого» (metaphorical truth). Метафора пользуется только несемантическими ресурсами. Суть метафоры, согласно Дэвидсону, не в выраженном значении, а в употреблении слова. При помощи метафоры можно создать новую языковую игру, но тогда она становится “мертвой метафорой” или “обычным словом”, пишет Дэвидсон. (Дэвидсон 1990: 173-174.)

Дэвидсон анализировал также платоновского вопроса относительно сравнения метафоры с сознательной ложью (Дэвидсон 1990:182). Согласно Дэвидсону ложь, подобно метафоре, касается не значения слов, а их употребления. Аналогия между метафорой и говорением лжи подкрепляется тем, что одно и то же предложение с неизменным значением может быть использовано в обоих случаях. Поскольку значение предложения в обоих случаях одно и то же, порой бывает трудно установить, какое намерение лежало в основе произнесения высказывания. Так, человек, который сообщил ложную информацию о том, что *Lattimore's communist* «Латтимор - коммунист», всегда может уйти от ответа, сославшись на то, что это метафора (Дэвидсон 1990:182-183).

В 1990 году Макс Блэк дает в своей теории более «интеракционистскую» точку зрения (*interaction view of metaphora*). Значение метафоры на его взгляд, это именно намерение и мышление говорящего лица, а не то буквальное выражение, которое заложено в словах. Например, «человек - это волк». Если читатель вообще ничего не знает о волках, то истинный смысл предложения останется ему неизвестен, пишет Блэк. Там, где верят, что в волков вселяются души умерших людей, утверждение «Человек - это волк» будет интерпретироваться иначе, чем нами. (Блэк 1990: 161.)

3.3.2 Теория Лакоффа и Джонсона

Создатели одной из самых известных теорий метафоры в наши дни, американские профессора Джордж Лакофф и Марк Джонсон, которые являются авторами книги *Метафоры, которыми мы живем*. Они считают, что метафоры влияют на нас очень широко - как в использовании языка, так и в нашем повседневном мышлении. Мы понимаем реалии с помощью других реалий (Lakoff & Johnson 1980: 3-4).

Для нашего исследования принципы этой теории являются существенными. Почему? Потому что в этой теории метафора рассматривается не только как феномен языка, а шире – в представлениях, системах познаний. Метафора распространяется целостно на наш язык, эмоции, общественные отношения, человеческие характеры, жизнь и смерть. Она является обязательным не только для нашей фантазии, но так же и рассуждений. (Lakoff & Turner 1989: xi.) В ней человеческий опыт рассматривается как одна основа метафоры. Лакофф говорит, что значение заложено в понимании опыта, но правда основывается на понимании и значении (Lakoff & Johnson 1980: 142). В основе метафоры и значения лежит расчленение, в частности, чувства и ощущения. Джонсон утверждает, что основой метафорой является телесность человека. Эта телесность всегда состоит в когниции и понимании посвящено с этой. Он употребляет термин *образная схема* (или *образ-схема*, *image schema*) для такой схематической структуры, с помощью которой организуется наш опыт. (Johnson 1987: 19-21.)

Лакофф разбирает схематическую структуру понятия «вместилище». Мы понимаем само человеческое тело как вместилище; среди наших важнейших функций — проглатывание и выделение, вдыхание и выдыхание. Мы сами постоянно входим во вместилища и выходим из них. Но мы также понимаем *состояния* как вместилища или места: можно *упасть в обморок*, *быть в бессознательном состоянии* и потом *прийти в себя*. Такое «движение» и «местонахождение» — метафорическое, а не буквальное; метафоры переносят наше телесно-основанное понимание вещей на широкий круг абстрактных понятий. (Lakoff & Johnson 1980: 29-30.)

Метафора, как и вообще познание является целостной. В толковании метафоры, человек использует свои индивидуальные способы, ум, и ценности. В ней видны феномены и выражение своей культуры. Метафора связана с культурой по сути. Несмотря на то, что имеется возможность создать почти бесконечное количество метафор, важных, основных метафор есть только ограниченное количество. Таких как

«время – это деньги» (*You are wasting my time* = Вы отнимаете (букв. *traptime*) у меня время), «жизнь – это путь», «смерть – это сон» и т.д..

3.4 Социалистический реализм как метафора

Ознакомляясь с теориями Лакоффа, Джонсона и Турнера, а также другими иными теориями, мы выдвигаем тезис, что социалистический реализм – сам по себе метафора в мышлении художника. Эта метафора, прежде всего, в качестве представления СОЦРЕАЛИЗМ – ПЕРЕДАЧА³.

Так как согласно метафорической системности (освещение и затемнение, по-англ. *highlighting and hiding*), мы можем осмысливать некоторые аспекты одного понятия в терминах другого понятия (например, время в терминах касающихся денег «время – это деньги»), это затемняет другие аспекты данного понятия. (Lakoff & Johnson 1980: 10-11.)

Более тонкий пример того, как метафорическое понятие может затемнять тот или иной аспект нашего опыта, можно усмотреть в явлении, которое М. Редди (Michael Reddy) назвал "метафорами передачи" ("метафора канала связи", по-англ. "conduit metaphor"). Редди указывает, что тот язык, который мы используем, когда говорим о самом языке, структурно упорядочивается в соответствии со следующей составной метафорой:

ИДЕИ (ИЛИ ЗНАЧЕНИЯ) - ОБЪЕКТЫ.

ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ - ВМЕСТИЛИЩА.

КОММУНИКАЦИЯ - ПЕРЕДАЧА (ОТПРАВЛЕНИЕ)

(Lakoff & Johnson 1980: 10-12.)

Итак, мы сможем делать вывод: СОЦРЕАЛИЗМ - ПЕРЕДАЧА. В нашем утверждении писатель (у Лакоффа «говорящий») помещает свои мысли (объекты) в слова (вместилища) и отправляет их (через канал связи, по-

³ Далее метафорические представления указаны нами с большими буквами

англ. conduit) читателю (у Лакоффа «слушающий»), который извлекает мысли/объекты из слов/вместилищ.

Аналогичность вышеуказанного мышления с мышлениями коммунистической, сталинской идеологии не маленькая. Свидетельством из этого является фраза Ю. Олеши «инженеры человеческих душ» (Шохина 2006). Ее можно понимать как метафору ЧЕЛОВЕК - МАШИНА, для создания или ремонта, которого нужны инженеры. По теории Лакоффа и Джонсона психика человека также может быть понята так. ПСИХИКА (MIND) - МАШИНА. Мы же говорим, например, «Мой голова и ум просто не *работает* сегодня» или «Перекрестный допрос *сломал* его» (Lakoff & Johnson 1980:27-28).

Платонов говорит также о «машине», и нам весьма понятно, что речь идет о сталинской системе. Согласно данной логике и теории мы можем создать также метафору: ГОСУДАРСТВО – ОБОРУДОВАНИЕ, в которое включены много разных машин, деталей, запчастей и т.д.

4 АНАЛИЗ В ПРЕКРАСНОМ И ЯРОСТНОМ МИРЕ

Рассказ Платонова следует читать - или его можно прочесть, как мы выше сказали эксплицитно как простой народный, маленький рассказ, а имплицитно как критическое, гениальное изображение жизни. Почему? Потому что внешне форма рассказа отвечает требованиям идеологических критиков и цензуры СССР. Имплицитная же история является «настоящей историей», которую писатель хотел передать своим читателям.

Прекрасный и яростный мир Платонова – это описание многих потрясений 20-го века в стране. Он содержит самые сложные гуманистические проблемы того времени и проблемы сохранения самой жизни на земле. В рассказе можно найти подтекст, который содержит невербальную и/или метафорическую информацию, которая спрятана в «одежду» соцреалистического метода.

Для читателя, совсем не знавшего социалистического общества по опыту, очень трудно и может быть, невозможно увидеть этот подтекст Платонова. У такого читателя нет предварительного понимания – схем, фрейм, концепции для такого понимания. Он не может рефлексировать

свой опыт на культурно-специфическом уровне, принимая во внимание исторические фоны и схемы, которых у него нет.

4.1 Выбор темы рассказа

Тема рассказа связана со сталью, железом и тяжелыми машинами – с общими реалиями метода соцреализма. Теоретики считали, что близость стали и металла влияет на человека, и он становится «настоящим человеком» и это направляет его на прямой путь – он чувствует себя значительным и важным человеком (Peuranen 1995: 141). Согласно нашему подходу, мы позволили себе заявить, что человек по требованиям материалистических целей коммунистической идеологии должен становиться «настоящей машиной». В следующей главе, говоря о фабуле рассказа, мы покажем, как это сделано Платоновым более конкретно.

Народность, партийность и правдивость – три важных элементов или принципа в методе соцреализма (Pesonen 1978:48-50). Выбором темы рассказа Платонов использовал, во-первых, принцип народности в рассказе. Текст легко понятен всем. Машинист - это простой человек на своей пролетарской работе. Народностью регулируется сущность основной проблемы в соцреализме – отношения между индивидуальным человеком и обществом. Проблемы индивидуального человека всегда связаны с проблемами народа в роли строителя социализма.

Во-вторых, ходом сюжета, композицией, формой и содержанием произведения выполнен необходимый принцип партийности. Партийность не даёт свободу художнику. Ему следует выбрать сторону. Согласно Ленину, художнику невозможно быть одновременно внутри и вне общества (Pesonen 1978: 49.) Железнодорожники на поезде «ИС» (Иосиф Сталин) выбрали путь строительства социализма.

В-третьих, Платонов проводит в рассказ, по правилам метода, принцип правдивости. В соцреализме правдивость не только описывает «правду» о прошлом и нынешнем, но и о будущем. В этом деле перед воображением писателя стоит важная задача (Pesonen 1978: 50.) Герои рассказа, их характеры и устремления отвечают идеалу «будущего» общества коммунизма.

4.2 Фабула рассказа

Нарратором рассказа является «я». «Я» - это Костя, помощник машиниста паровоза серии «ИС», Александра Васильевича Мальцева. Они оба работают в Толубеевском депо.

Сразу сообщается о том, что Мальцев рабочий, каким надо быть. Костя был определен работать в бригаду наилучшего паровозного машиниста Мальцева, пишет Платонов. Костя был доволен своим назначением. Машина «ИС» была мощная, красивая и единственная в этом депо. Костя чувствовал себя радостно, даже когда только смотрел на паровоз. Однако, его удивляло странное поведение Мальцева: он был все время очень молчаливый, никому не показывал свои мысли или чувства. Всегда до отъезда Мальцев проверил лично своими руками каждую деталь и каждый винтик паровоза, несмотря на то, что проверка деталей входил в должность помощника Кости, и он всегда хорошо делал свою работу. Несмотря на странное поведение Мальцева, Косте нравилось работать в новом паровозе с передовым рабочим машинистом.

Однажды, когда погода была очень плохая - гроза, молнии – в кабине паровоза случился какой-то электрический разряд, которые бывают за миг до видения человеком самих молний. После этого случая машинист Мальцев ослеп. Однако, Мальцев ничего не сказал об этом факте даже помощнику или кочегару, а постарался вести паровоз нормальным путем. То, что он стал слепым, конечно, выяснилось, когда впереди

поезда стоял другой состав и, чуть-чуть, не произошло крушение двух поездов.

Мальцев, каким-то странным образом думал, что он видел, как и раньше, и не знал, что был слепым. После того, когда он стал слепым, он долго видел свет в своем воображении и сам считал, что еще видит. Это было очень странно. Он не видел сигнала остановки и продолжал вести паровоз вперед и только, когда помощник закричал ему громко, что впереди красный свет и надо немедленно тормозить и остановить поезд, он, наконец, попросил помощника повести машину.

После этой поездки Мальцев начал опять видеть нормально. Он был совершенно здоровым человеком. Однако, его отдали под суд. Катастрофа не произошла, но его посадили в тюрьму, так как он вёл паровоз не по правилам – слепым. Кроме этого, он никак не мог доказать, что он был не виноват.

Его молодой помощник продолжал работать в Толубеевском депо и стал потом квалифицированным машинистом. Но он скучал по Мальцеву. Когда он узнал от своего брата, что в их лаборатории есть установка «Тесла» для получения искусственных молний, он написал письмо следователю с просьбой сделать такое специальное испытание Мальцеву. Заключение Мальцев, будучи в тюрьме, видел нормально. Следователь суда согласился на просьбу помощника и он также хотел узнать, как Мальцев реагирует на электрические разряды. Испытание подтвердило, что Мальцев, действительно реагирует. Но в результате испытания, Мальцев, к сожалению, опять стал слепым. Во всяком случае, его освободили из тюрьмы, хотя он, конечно, больше не мог водить паровоза. Каждый день он сидел на станции и жадно дышал запахом гари и смазочного масла. Он так хотел быть в атмосфере, где мог чувствовать близость железных дорог и паровозов.

Однажды Костя предложил грустному Мальцеву, что если тот будет сидеть тихо, то он возьмет его с собой на паровоз. Мальцев согласился. Помощник положил одну его руку на реверс и другую на тормозной

автомат и поверх его рук положил свои руки. В конце концов, случилось чудо – Мальцев начал видеть. Первым он увидел желтый свет – сигнал опасности, на что помощник сказал: *Александр Васильевич, ты видишь теперь весь свет!*

4.3 В поиске души автора

Одним из задач нашей работы является выяснения когниции Андрея Платонова, то есть, "найти автора" в исследуемом нами рассказе. Нам следует выявить, какой был его личность, опыт, личные качества, знание, и представления о мире и жизни. Почему он думал и писал так, как он писал? Для выяснения представлений и чувств писателя в разные времена, мы опираемся на факты биографии Платонова и его собственные слова в письмах своей жене Марии Александровне. Кроме этого, мы используем информацию из окружающей культурной среды, исторических данных, в том числе, из документов Центрального архива ФСБ России. Платонов был под пристальным наблюдением органов ОГПУ >НКВД >НКГБ⁴ с 1930 по 1945г. Эти материалы, рассекреченные в соответствии с нормами российского законодательства, содержат информацию о писателе, полученную оперативными сотрудниками от лиц, которые общались с Андреем Платоновым.

4.3.1 Наличие дореволюционных ценностей и мировоззрении Платонова

Когнитивная, мыслительная деятельность Андрея Платонова развивалась в бедной, пролетарской семье в городе Воронеже. Однако, мы считаем, что Платонов был членом не совсем бедной, а средней обеспеченности, принимая во внимание контекст, в котором вообще люди тогда прожили. В то время имеющие профессию рабочеe получали зарплату, позволяющую содержать семью. Его основное

⁴ Органы государственной безопасности: ОГПУ (1922-1934 гг.), НКВД (1934-1941 гг.), НКГБ (1941-1946 гг.)

понимание, так называемая сенсорная интеграция, развивалась до возраста 14 лет согласно семейным христианским и полученным в церковно-приходской школе представлениям. Потом молодой Платонов стал работать и попал в сферу взаимовлияния с идеями и представлениями рабочих, и к пониманию работ окружающей среды железнодорожного депо и паровозов, как и в рассказе *В прекрасном и яростном мире*.

В детстве и молодости Платонов, по нашему мнению, предпочитал христианское знание. Молодой парень читал Пушкина и писал стихи в ящик стола. Эти ранние стихотворение было опубликовано в его первой книге стихов *Голубая глубина* в 1922 году. В одном из них он пишет такие непохожие на его прозу стихи, в которой проявляются христианские идеи:

Я не мудрый, а влюбленный.
 Не надеюсь, а молю.
 Я теперь за все прощенный.
 Я не знаю, я люблю.

В 1922 году он пишет жене, «жизнь сразу превратила меня из ребенка во взрослого человека, лишая юности» (Чалмаев 1988: 547). Платонов реализует с рассказом *В прекрасном и яростном мире* интерес к машинам и механизмам, проявившийся в нем с детства.

4.3.2 Послереволюционное развитие мировоззрения

В 1917, когда Платонову исполнилось 18 лет, он уже успел поработать в очень многих и разных местах. Когнитивная информация поступала к Платонову извне по разным сенсорно-моторным каналам, сильно оформляя его познание мира. Пока этот мир Платонова был спокойный Воронеж, город хлебный с мешками и купцами. Даже волны революции достигли города только в 1918 году. Вдруг в том же году в городе появился журнал с громким, демонстративно пролетарским названием – «Железный путь». (Чалмаев 1988: 10.)

Платонов и другие люди Воронежа скоро узнали, что статьи больше не пишут пером, а куют молотком. Платонов вместе с многими другими молодыми ребятами был в восторге и думал, что сейчас начнется новый, прекрасный период в жизни.

Об этих временах и осмыслениях свидетельствует его письмо жене от 1922 года. Платонов рассказал, что ему понравилась новая фраза «революция – это паровоз истории». Эта фраза стал ему «живой», так как он сам работал тогда в паровозе. В восторге он даже вступил в Коммунистическую Партию, но, уже через год он, по собственному желанию, вышел из партии. В этом самом письме он пишет, что в той же работе на паровозе, ему также понравились слова Пушкина, которые он вспоминал из детского чтения: «*В селе за рекою, потух огонек*»... Стихи Пушкина объяснили Платонову понятия: уют, скромность и теплоту. Он писал: «от них я больше любил уже любимое». (Чалмаев 1988: 548.)

В 1919 году сущность и понятие революция, ее последствия в советское время стали известными Платонову: его командировали на борьбу с белым генералом Деникиным на фронт в г. Новохоперск в качестве корреспондента газеты «Известия Совета обороны Воронежского укрепленного района». Там он испытывал страх. В своем письме жене Марии он рассказал, как он, например, боялся сидеть в комнате своего хозяина-большевика, и поэтому сидел больше во дворе. «Дверь в любой момент могла наглухо закрыть жилище большевика: через окно тоже не было спасения: под ним лежал ворох колючей проволоки». За время пребывания Платонова там, город переходил из рук в руки шесть раз. (Чалмаев 1988: 571.) Нетрудно представить себе чувства Платонова, когда он, молодой парень, работал в таких условиях во фронтовой полосе белых и красных.

Когниция Платонова развивалась в процессе осмысления нового, «железного» мира. Приведем в качестве примера стихотворение Платонова от 1922 года, опубликованное в газете «Известия Воронежского укрепленного района»:

И единым коллективным сердцем чутким содрогаясь, весь в тревоге напряженной, город в муке ожидания, веру сковывает сталью многовидевших штыков...

Только сталью вместо сердца с мудрым мужеством сознания и восторгом входновенья мы победу, славу гордых, в лагерь Красных приведем. (Чалмаев 1988: 11-12.)

Анализируя стихотворение, нам становится понятной когнитивная деятельность Платонова. Он видел битвы, страдания людей в Новохоперске, а как известно, ситуация была малоустойчивой везде в стране. В этом стихотворении слышится ирония, которая выражена писателем двусмысленно. Форма и тема стихотворения, как у Горького, но содержание идёт от сердца молодого Платонова. Дополнительную информацию о когнитивном осмыслении и творческом развитии этого времени иллюстрируют его слова жене: «Чтобы что-нибудь полюбить, я всегда должен сначала найти какой-то темный путь для сердца, к влекущему меня явлению, а мысль шла уже вслед». (Чалмаев 1988: 548).

Многие писатели в это время потеряли контакты с обыкновенным народом и сердцем, так как профессиональные писатели за идеологическую «правдивость» получали пособия и привилегии от писательских союзов в СССР. Платонов имел постоянные связи с «нормальной» рабочей жизнью, так как он был много на практической народнохозяйственной работе, поэтому он видел и понимал обыденную жизнь крестьян и «маленького человека». Засуха в 1921 году произвела на него чрезвычайно сильное впечатление, и он поехал на мелиоративные работы в глубине страны. «Будучи техником, я не мог уже заниматься созерцательным делом – литературой», написал он в своей автобиографии в 1924 году (Корниенко 2005: 2).

В 1922 – 1926 гг. он продолжал писать, но, прежде всего, как мы считаем, он собирал впечатления и информацию о жизни без твердого плана стать профессиональным писателем.

4.3.3 Рождение писателя Платонова

В 1922 году в его жизнь пришла «песчаная учительница» (есть также повесть под этим названием), жена Мария, учительница по профессии, с которой он мог разделить свои заботы и радости. Несмотря на то, что он потерял восторженную веру в революцию, он верил в гуманизм и революционный прогресс, если в планы будут заложены хорошие ценности, например, правильные, не бюрократические люди, а специалисты по своим отраслям. Если квалифицированные люди будут работать и руководить работами, то все будет хорошо. Чиновники не способны руководить, например, железнодорожными станциями. Эти мысли он вложил, например, в киносценарий «Марфа» (Гончаров & Нехотин 2006).

В качестве описания характера Платонова, можем привести слова Платонова Марии осенью 1922: «Я люблю больше мудрость, чем философию, и больше знание, чем науку. Надо любить ту вселенную, которая может быть, а не ту, которая есть. Невозможное – невеста человечества, и к невозможному летят наши души... Невозможное – граница нашего мира с другим. Все научные теории, атомы, ионы, электроны, гипотезы, всякие законы, вовсе не реальные вещи, а отношения человеческого организма ко вселенной в момент познающей деятельности...» (Чалмаев 1988: 549).

Когда он работал главным губернским инженером-мелиоратором в Воронеже, он проектировал, например, очистить реки Черная Калитва и Тихая Сосна, чтобы дать крестьянам возможность строить свою жизнь снова после гражданской войны. Хорошие идеи Платонова не понравились чиновникам-большевикам в Воронеже, и в 1926 его уволили с работы и выслали работать в Москву. Там Платонов остался чужим. Сотрудники без необходимой для таких работ образования не приняли его в рабочий коллектив. Без зарплаты он с семьей страдал от голода и нищеты. Психологически ему было трудно пережить травлю и давление «домашних агентов», которые называли его вором, нищим и голью перекаточной, потому что ему нужно было продавать свои вещи для

того, чтобы прокормить семью. (Корниенко 2005: 2) Осенью он выехал из Москвы в Тамбов (Чалмаев 1988: 551).

В Тамбове обстановка для работы была по Платонову «кашмарная», чудовищно зверская обстановка. Люди там знали все о нём, были любопытны, подкалывали его и советовали уехать из города. Он остался из-за денег. Городом он считал местом изгнания. Он писал жене: «Неужели человек – животное и моя антропоморфная выдумка одно безумие? Мне тяжело, как замурованному в стене». (Чалмаев 1988: 551, 554)

Исследователи (Н. Корниенко 2005, В. Чалмаев 1988) считают, что именно там он нашел себя в качестве литератора. Платонов видел страшные вещи, как он писал жене, во время пребывания в Тамбове. Это чрезвычайно влиял на его развитие. В письме он говорит: «Я не буду литератором, если буду излагать только свои неизменные идеи. Меня не станут читать. Я должен опошлять и варьировать свои мысли, чтобы получились приемлемые произведения. Именно – опошлять! А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не стали печатать». Это было радикальное изменение в осмыслении Платонова. В 1926 году он сделал выбор относительно своего языка.

Платонов писал в том же письме осознавая свою ненужность большевикам: «Истинного себя я еще никогда и никому не показывал и едва ли когда покажу. Этому есть много серьёзных причин, а главная – что я никому не нужен по-настоящему».

В Тамбове жизнь Платонова, по его собственным словам, застыла. Он только думал, курил и писал. Кроме того, там у него был легион противников. «Здесь просто опасно служить», писал он Марии. Ему делали даже прямые угрозы.

В 1927 году он вернулся в Москву. Этот год исследователи считают рождением нового мастера русской литературы. Колоссальный взрыв, выброс творческой энергии возник в Тамбове. Он писал статьи по

вопросам землепользования в России, философские эссе об искусстве, религии, науке и проводил социально-экономические расчеты. Ему открылись горизонты видения реальности. До конца его жизни это видение не знало пределов (Корниенко 2005: 2).

4.3.4 Годы работы до написания *В прекрасном и яростном мире*

Платонов не хотел участвовать во всесоюзной литературной жизни, хотя например, писатель Борис Пильняк предложил сделать это для того, чтобы пользоваться благами, которые писательские союзы давали.

В 1929 году, который был назван «годом великого перелома», закончился период НЭПа, и началась сплошная коллективизация. Этот год стал также началом постоянного психического давления в жизни Платонова. Критика против него всё усиливалась. Его называли писателем «ошибочных» рассказов. Например, о очерках *Впрок* и *Усомнившийся Макар* писали, что это «клевета на нового человека, на ход социалистических преобразований, на генеральную линию партии». (Корниенко 2005:3.) Платонов, понимая, чем дело, признавал свои «ошибки» в письме в редакции центральных газет, но его теперь уже не хотели опубликовать, потому что ревнителю классовой чистоты, советские критики, умели читать и текст, и подтекст. Подтекст письма был достаточно иронический и ёрнический. (Корниенко 2005: 3.) Состояние когнитивной деятельности Платонова в то время можно определить на основе выражений его «самокритического» письма:

...Противоречие между намерением автора (т.е. самого Платонова – И.К.) явилось в результате того, что субъект автора ложно считал себя носителем пролетарского мировоззрения – тогда как это мировоззрение ему предстоит еще завоевать. ... Классовая борьба, напряженная забота пролетариата о социализме, ведущая сила партии – все это не находило в авторе письма тех художественных впечатлений, которых эти явления

заслуживают»... (Цитата из теста письма впервые опубликована в журнале «Русская литература», 1990, № 1: 230-231)

С целью избежать внимания критиков, писатель, которого называли «агент буржуазии и кулачества в литературе», начал заниматься другими делами и совершал интенсивные поездки по деревням средних регионов страны.

В 1932 –1933 годах Платонов очень серьёзно задумывался о своем будущем в качестве писателя. В 1932 году он говорил на собрании советских писателей о критике и «прогрессивно нарастающей ошибочности» в своем творчестве. Он сказал, что масштабы *вредности* его мировоззрения критика еще не оценила, и что ему «трудно прекратить этот поток произведений, поток, не имеющий никакого интереса и пользы для революции» и т.д. (Корниенко 2005: 3-4.)

Выход в свет повести-хроники *Впрок*, в которой коллективизация сельского хозяйства была показана как трагедия, сделал публикацию большинства произведений Платонова невозможной. В так называемой «безбожной» пятилетке (1932-1937 гг.) его винили за то, что в его произведениях видно «религиозное душестройство». Об этом свидетельствуют и его письма от 1934 года к Марии: «... Как хорошо не только любить, но и верить в тебя как в Бога (с большой буквы)⁵, но и иметь в тебе личную, свою религию» (Чалмаев 1988: 565). Он, очевидно, оперировал с концептами, которые отражали познания мира в вопросах религии. Вера в Бога у него была с детства до зрелых лет. Об этом свидетельствует сообщение воронежской газеты в 1923 году, согласно которому «Клуб рабфака ВГУ устраивает диспут «Брак и любовь», в прениях выступают «профессор Введенский, профессор Козо-Полянский <...> А. Платонов, представитель «живой» церкви и др.» (Чалмаев 1988: 14). «Безбожная» пятилетка была чрезвычайно трудной и, безусловно, повлияла на развитие когнитивного осмысления жизни Платоновым.

⁵ Платонов сам написал «с большой буквы»

С 1933 по 1936 Платонов был в Туркмении, работая в Ташкенте, Ашхабаде, Краснодарске и многих других местах этого региона. В начале 1936 года Платонова включили в новый писательский проект для создания книги о героях железнодорожного транспорта. По этой теме он написал много рассказов, стихов, сценариев, пьес. Мы считаем, что уже при написании их он знал, что тексты не опубликуют. Несмотря на это, он писал в своем гениальном стиле, «платоновским языком», двусмысленно. Он оставлял толкование своих текстов своим читателям.

Самым страшным годом в его жизни был 1938 год, потому что ему нужно было постоянно ходить по разным учреждениям по поводу освобождения своего единственного сына Платона (см. биография). Платонов находился в чрезвычайно подавленном и растерянном состоянии.

Из вышесказанного понятно, что в написанном в 1941 году рассказ *В прекрасном и яростном мире* не опубликовали. Вторая мировая война начала летом в том же году, и это, вообще, остановило издание книг в Советском Союзе.

После ознакомления с биографией писателя в свете вышеуказанного материала, нам стали известными духовное развитие и когнитивное осмысление Андрея Платонова. Мы думаем, что понимаем очень хорошо содержание имплицитной истории рассказа *В прекрасном и яростном мире*. Опыт, фреймы и схемы Платонова, хранимые в память, родились в результате реального «старого» и также «нового» мира. Последствием этого было, например, что он выразил свои мысли таким специальным образом в данном рассказе.

5 СОДЕРЖАНИЕ РАССКАЗА

Знание играет самую важную роль в когнитивном анализе. (Kajannes & Kirstinä 2000:9). Когнитивный анализ связан с процедурами, связанными с приобретением, использованием, хранением, передачей и выработкой знаний, о которых мы уже говорили в третьей главе. В когнитивный анализ входит и оценка метакогнитивности⁶, так что мы оцениваем также метакогнитивность Платонова, то есть – знание о знании, осмысление осмысления. Мы постараемся раскрыть данные, которые были заложены в его когницию: в сознание и понятие Платонова. Он передает их ясно в своем тексте *В прекрасном и яростном мире* в «одежде», то есть, в внешнем виде метода соцреализма.

Основываясь на теории метафоры Лакоффа и Джонсона и согласно нашему тезису о метафоре СОЦРЕАЛИЗМ – ПЕРЕДАЧА (см. стр. 27-30), мы можем предположить, что в осмысление и сознание писателя было заложено множество метафор, поэтому, мы рассматриваем лица и события рассказа когнитивным методом обнаружения и толкования этих метафор. Таким образом, мы выявим знания, информацию об истории страны и случаев жизни писателя, которые он хотел нам передать. Когда мы будем говорить о **писателе** Платонове в рассказе, мы обозначим его "пП", то есть писатель Платонов и когда об

⁶ «метакогнитивность» - это термин современной психологии, который обозначает рефлексивные переоценки схем

электротехнике Платонове, то обозначим "ЭП" или называем его по своей фамилии, зависимое от контекста. В случае метафорического представления, мы будем использовать большие буквы. Необходимо отметить, что сам рассказ, в действительности, является стопроцентной метафорой.

5.1 О героях рассказа

В прекрасном и яростном мире выступают четыре фиктивных человека: Машинист Мальцев, помощник Костя, сын Платонова и следователь. Для следователя мы не нашли фактического характера в жизни Платонова. Это может быть любой следователь того времени.

5.1.1 Машинист Мальцев, А. В.

Кто такой Александр Васильевич Мальцев, который был назначен работать водителем паровоза, серии «ИС» (Иосиф Сталин)? По Платонову ему лет тридцать. Он является великим мастером своего дела, для которого вождение тяжелых скоростных поездов являлось «искусством». Он вбирает весь внешний мир в свое внутреннее переживание и поэтому властвует над ним.

Толкование: Мальцев – по нашему мнению он "пП" в возрасте 25-30 (см. стр. 39-41), который в начале своего ПУТИ (ЖИЗНЬ – ПУТЬ) верил в лучшее будущее в строительстве социализма. Будучи молодым идеалистом-утопистом, он не понял, какой процесс уже тогда начало в стране. Потом, в возрасте 39-40, почти В КОНЦЕ СВОЕГО ПУТИ, после некоторых неприятных случаев, особенно после ареста сына и борьбы с освобождением его, слепой "пП" понял «все» и он начал ВИДЕТЬ.

В третьей главе рассказа, в судебном разбирательстве Мальцева, в место "пП" вступает арестованный сын Платонова.

5.1.2 Помощник Костя

А кем является нарратор «Я», который иногда называется Костей? Он умный, логичный человек, знает прекрасно технику, особенно электротехнику, и техническую терминологию относительно паровозов и железных дорог.

Толкование: Мы считаем, что помощник машиниста Мальцева– это "ЭП". Он хорошо знает также психику "пП". В четвертой главе мы видим это особенно ясно, когда он организует испытание «объективной, судебно-медицинской экспертизой» для Мальцева с помощью электрической установки «Тесла».

5.2 Знание об опыте Платонова

Для выяснения сущности героев, мы прочитали очень тщательно текст и детально его разобрали. Проанализируем ниже несколько цитат из текста рассказа.

Цитата 1:

...Он вел состав с отважной уверенностью великого мастера, со сосредоточенностью вдохновенного артиста, вобравшего весь внешний мир в свое внутреннее переживание и поэтому властвующего над ним... (Платонов 1941: 1)

Толкование: Цитата свидетельствует, что в качестве мастера Мальцева, речь идет именно о личности «"пП"» - писателя Платонова, который подобным образом осмысляет, воспринимает и чувствует мир.

Цитата 2:

... Глаза Александра Васильевича глядели вперед отвлеченно, как пустые, но я знал, что он видел ими всю дорогу впереди и всю природу, несущуюся нам навстречу, — даже воробей, сметенный с балластного откоса ветром вонзающейся в пространство машины,... Обычно мы работали молча; лишь изредка Александр Васильевич, не оборачиваясь в мою сторону, стучал ключом по котлу, желая, чтобы я

обратил свое внимание на какой-нибудь беспорядок в режиме работы машины, или подготавливая меня к резкому изменению этого режима, чтобы я был бдителен...(стр. 1)

Толкование: "пП" не хотел привлекать к себе внимание своим поведением, но он замечал все, что происходит вокруг его, также изменения в обществе и в политике страны. В послереволюционные годы было лучше говорить меньше, так как многие писатели (и др. люди) были под контролем и разговоры подслушивались. Этот факт был Платонову известен уже до возраста 25 лет. Система и партия (МАШИНА), руководителем которой был И.В. Сталин, работала эффективно, постоянно изменяя режим и правила, как мы знаем из истории СССР.

Цитата 3:

... Он чувствовал свое превосходство перед нами, потому что понимал машину точнее, чем мы, и он не верил, что я или кто другой может научиться тайне его таланта, тайне видеть одновременно и попутного воробья, и сигнал впереди, ощущая в тот же момент путь...(стр. 1)

Толкование: "пП" (и также "эП") имел виду, что он знает лучше МАШИНУ, и также, куда ведет процесс развития страны, чем «обыкновенные» люди. Он хорошо понял (ВИДЕЛ), что свободы больше не было (ВОРОБЕЙ, символ свободы улетел куда-то) и он ВИДЕЛ опасность жизни в будущем. Он имел знание, какой будет страна, если руководителем революции является Сталин (СОСТАВ «ИС» поезда).

Цитата 4:

... Я заметил, что Мальцев стал хуже вести машину — на кривых нас забрасывало, скорость доходила то до ста с лишним километров, то снижалась до сорока...(стр. 3)

Толкование: В Тамбове 1926-1927 годах, где Платонову было очень тяжело, он в свободное время, согласно письму, только сидел, курил и писал (Чалмаев 1988: 556). Писал он в восторге и критически. (МАШИНА такой критики не приняла. "пП" ВЁЛ МАШИНУ ПЛОХО). Потом, попозже,

как видно по архивам ФСБ от 13.3.1934, он, оставался еще в той вере, что имеется возможность изменить направления процесса. Он критиковал и начал советовать даже вождям. СКОРОСТЬ ДОХОДИЛА ТО ДО СТА. Он считал, например, что Сталин должен, в частности, прекратить «поток холуйского славословия» по своему адресу. (Гончаров & Нехотин 2006.)

Цитата 5:

... - Костя... Дальше ты поведешь машину, я ослеп... (стр. 3)

Толкование: "пП" был в восторге. Он думал, что может влиять на развитие страны положительно путем критических текстов. Он написал в 1926-1928 годах около 30 рассказов, десяти повестей, множество статей и роман «Чевенгур». Он оказался над пристальным вниманием критиков, а также Сталина. Ему были показаны СИГНАЛЫ опасности, но он их не понимал, НЕ ВИДЕЛ, стал и был СЛЕПОЙ, и продолжал писать «вредоносности». Позже, 10 декабря 1930 года, согласно сводке в секретный отдел ОГПУ он сам считает своей ошибкой то, что говорил в своих произведениях только о моментах отрицательных. Словами Платонова: «расставил красные сигнальные огни, опасность сигнализировал, а рельсы не положил – ехать нельзя было». (Гончаров & Нехотин 2006).

Цитата 6:

... но встречал его и на улице, когда он медленно шел, ощупывая дорогу тростью. Он осунулся и постарел за последнее время; жил он в достатке — ему определили пенсию, жена его работала, детей у них не было, но тоска, безжизненная участь снесли Александра Васильевича, и тело его худело от постоянного горя. Я с ним иногда разговаривал, но видел, что ему скучно было беседовать о пустяках и довольствоваться моим любезным утешением, что и слепой — это тоже вполне полноправный, полноценный человек. (стр. 6)

Толкование: Документы от 1939 года свидетельствуют, что Платонову было очень трудно поверить в то, какие массовые беззакония происходили в стране, которую он любил больше всего и особенно, что происходило со своим сыном. Он начал жить очень осторожно, ОЩУПЫВАЯ ДОРОГУ ТРОСТЬЮ. Он хотел, чтобы в стране была свобода слова и мышления. Если человек СЛЕПОЙ и не видит, или видит реалии по-другому, чем большевики, то это тоже полноценный человек и имеет право жить. В следующем, в 1940 году, заболевание сына туберкулезом в лагерях и в тюрьме, попытка советской власти отнять у него звание писателя и плохие бытовые условия, поставили Платонов в очень трудное положение. Ему с трудом удавалось поддерживать душевное равновесие (Гончаров & Нехотин 2006).

5.3 Знание об условиях работы в стране

Условия труда стали хуже в 1932 году. На 9-ом съезде профсоюзов рабочие практически утратили право предъявлять требования работодателю, и они могли быть уволены за один прогул. Квалифицированные мастера, такие как машинист Мальцев, могли бы строить социализм успешно, но на места работы и должности назначили людей согласно другим основаниям, а не по квалификации. Платонов был против такого развития.

В прекрасном и яростном мире Костя был назначен помощником Мальцева. Такая трудовая система была принята в после-революционной стране. Проблемой с «неправильными» назначениями стала некомпетентность для занятия должности людей и отсутствие доверия между сотрудниками.

Цитата 7:

...Александр Васильевич видел мою работу, он следил за ней, но после меня собственными руками снова проверил состояние машины, точно он не доверял мне...<...> ...Если я только что

осмотрел и смазал какую-либо рабочую трущуюся часть, то Мальцев вслед за мной снова ее осматривал и смазывал, точно не считая мою работу действительной. ...(стр. 1)

Толкование: Мальцев, не зная нового помощника, не доверял ему. Платонов, работавший на разных местах работы, знал всяких доносчиков. Любой человек мог сделать донос на другого и назвать его/ее «врагом», «шпионом» или «саботажником» с тем последствием, что по любым доносам делались аресты, которые стали массовыми. (Моунахан 1994: 175-176). Вообще люди доверяли только себе, а не другим как на местах работы так и вне её.

Цитата 8:

...Диспетчер вышел к паровозу и специально попросил Александра Васильевича сократить, сколь возможно, опоздание поезда, свести это опоздание хотя бы к трем часам, иначе ему трудно будет выдать порожняк на соседнюю дорогу. Мальцев пообещал ему нагнать время, и мы тронулись вперед. .. (стр. 2)

Толкование: Во второй половине 1929 года И. Сталин сказал: «мы отстали от передовых стран на 50 - 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (Моунахан 1994: 127). По платоновскому языку: ОПОЗДАНИЕ ПОЕЗДА. Начало ускорение строительства социализма и индустриализации, и это требовало, например, укрепления трудовой дисциплины. От всех рабочих требовали все больше и больше эффективности.

5.4 Знание о судебных разбирательствах в 1930-х годах

Бывает, что человек иногда может не верить фактам, которые, безусловно, существуют. Может быть, что эти факты такие страшные, что верить в них невозможно.

В исследовании личной истории Платонова, нам стало также известно, например, что в 1937 году Сталин сидел 3-4 часа в день с Николаем Ежовым⁷. Они составляли листы, в которых были указаны возможные жертвы чисток и их наказания⁸. (Моунахан 1994: 174). Только в одном лагере, в Серпантинке, убили больше заключенных, чем во время царствия Романовых, в том числе, около 1 000 писателей. Проводимые по требованию Сталина судебные разбирательства были театральные показы, спектакли или испытания, которые он сам смотрел за занавесом. Обвиняемые признавали всякие обвинения - даже такие, которых не сделали. Очень часто арестовали жен, детей, близких родственников и друзей важных людей и художников - для еще большего мучения близких них людей.

Цитата 9:

Мальцева отдали под суд, и началось следствие. Меня вызвал следователь и спросил, что я думаю о происшествии с курьерским поездом. Я ответил, что думал, что Мальцев не виноват.

- Он ослеп от близкого разряда, от удара молнии, сказал я следователю. - Он был контужен, и нервы, которые управляют зрением, были у него повреждены... Я не знаю, как это нужно сказать точно. ...(стр. 4)

Толкование: Платонову судебные процессы не были чужими явлениями, как уже говорилось, его 15 летний единственный сын был арестован в числе многих других безвинных людей.

В ходе рассказа, в его третьей главе, в характере Мальцева выступает сын писателя, а Костя остается в роли самого Платонова. По архивам ФСБ от 27-го февраля 1939, Платонов все время говорит о том, что, Тошка (прозвище сына, И.К.) страдает безвинно (Гончаров & Нехотин 2006). МАЛЬЦЕВ НЕ ВИНОВАТ, Костя отвечает следователю. Как Мальцев, так и его сын стал страдать ОТ БЛИЗКОГО РАЗЯДА, то есть, в случае сына, от «антисоветской» письменной деятельности своего отца.

⁷ глава Народного комиссариата внутренних дел (НКВД, потом КГБ)

⁸ Сталин утвердил 383 листа, в которых было всего 44 000 фамилии (Моунахан 1994:174)

Об этом свидетельствуют письма и заявления Платонова Наркому Внутренних Дел, в которых он просил, чтобы следователь вызвал его, отца, в суд вместо сына, так как он не может не считать себя ответственным за сына (Гончаров & Нехотин 2006).

Цитата 10:

...(Костя говорит сейчас следователю – И.К.) - Вы не виноваты, вы ничем не рисковали, - утешил я следователя. - Что лучше - свободный слепой человек или зрячий, но невинно заключенный? - Я не знал, что мне придется доказать невинность человека посредством его несчастья, сказал следователь. - Это слишком дорогая цена.
- Вы следователь, объяснил я ему. - Вы должны знать про человека все, и даже то, чего он сам про себя не знает...(стр. 5)

Толкование: Следователь делал свою неприятную работу, практически без возможности отказаться от нее. Платонов понимал этот факт о слабости человека перед МАШИНОЙ. Последними фразами «о знании про человека» он иронически критикует, например, органы безопасности, которые знали «все» о человеке при необходимости. Об этом он имел личный опыт, как мы знаем, уже с 1930 года (Гончаров & Нехотин 2006).

Цитата 11:

...Я не был другом Мальцева, и он ко мне всегда относился без внимания и заботы. Но я хотел защитить его от горя судьбы, я был ожесточен против роковых сил, случайно и равнодушно уничтожающих человека; я почувствовал тайный, неуловимый расчет этих сил - в том, что они губили именно Мальцева, а, скажем, не меня....(стр. 5-6)

Толкование: Платонов обобщает судьбу человека того времени в СССР. Любой человек мог бы быть арестован – ты или я. Любой донос приняли бы как правду при организациях травли в 30-х годах, а особенно «мастеров», которые были сильны умением и умом и могли противопоставить себя власти (см. также ниже в цитате).

Цитата 12:

... Я понимал, что в природе не существует такого расчета в нашем человеческом, математическом смысле, но я видел, что происходят факты, доказывающие существование враждебных, для человеческой жизни губительных обстоятельств, и эти губительные силы сокрушают избранных, возвышенных людей.
...(стр. 6)

Толкование: Писатель передает нам информацию, отражающую его когнитивное мышление относительно чисток Сталина. Действительно, в чистках была определенная плановость. В один месяц брали финнов, в другой преподавателей, в третий инженеров и т.д.. До 1931 года из 35 000 инженеров страны, 7 000 были в лагерях. В тюрьмах и лагерях было необходимо организовать т.н. «технические отделы», так как инженеры были нужны для промышленности. Они проектировали там под контролем «сторожей» (Моупахан 1994: 180). В апреле 1933 Правительство СССР рассматривало вопрос о процессе над инженерами, обвиненными в саботаже. Все это Платонов знал, будучи сам техником-инженером, и осознавал опасность для себя.

Цитата 13:

... Я решил не сдаваться, потому что чувствовал в себе нечто такое, чего не могло быть во внешних силах природы и в нашей судьбе, - я чувствовал свою особенность человека. И я пришел в ожесточение и решил воспротивиться, сам еще не зная, как это нужно сделать. ...(стр. 6)

Толкование: В этой цитате Платонов говорит о себе. Он значительно окреп и успокоился с тех пор, как получил известие о сыне и письмо от него из Вологды. Оказался, что он был в тюрьме, не в лагере. По архивам ФСБ от 1-го апреля 1939 года «Платонов ноет гораздо меньше, чем предыдущий год». (Гончаров & Нехотин 2006.) Он продолжал бороться ДУХОВНЫМ ОРУЖИЕМ. Одним примером такой борьбы является рассказ *В прекрасном и яростном мире*. Платонов решил воспротивиться, и сейчас мы знаем, как он это сделал.

5.5 Знание о социально-политической обстановке страны

Ожидания Платонова для жизни в Советском Союзе были очень оптимистические до тех пор, когда он потихоньку стал ВИДЕТЬ, в какую сторону развивалась реальность в стране. Коллективизация 1930-х годов, массовые беззакония, в том числе убийство около 50 000 офицеров и полковников Красной Армии в 1937 году. Количество убитых полковников было тогда больше, чем количество погибших полковников всего за время второй мировой войне (Моунахан 1994: 176). Платонов же видел сигналы войны уже раньше, и передает это знание читателям.

Цитата 14:

... Было восемь часов пополудни ... < > ... Мы теперь шли навстречу мощной туче, появившейся из-за горизонта....(стр.2).

Толкование: Время – это метафорическое понятие. Если посмотрим на часовую таблицу и положим ее на географическую карту Европы от 1941 года, «ВОСЕМЬ ЧАСОВ» – это Германия. МОЩНАЯ ТУЧА, как мы предполагаем, является метафорой войны. В июне 1941 года, в год написания данного рассказа, немцы, несмотря на договор о ненападении между странами, вторглись в Советский Союз.

Цитата 15:

... С нашей стороны тучу освещало солнце, а изнутри ее рвали свирепые, раздраженные молнии, и мы видели, как мечи молний вертикально вонзались в безмолвную дальнюю землю, и мы бешено мчались к той дальней земле, словно спеша на ее защиту. Александра Васильевича, видимо, увлекло это зрелище: он далеко высунулся в окно, глядя вперед, и глаза его, привыкшие к дыму, к огню и пространству, блестели сейчас воодушевлением. Он понимал, что работа и мощность нашей машины могла идти в сравнение с работой грозы, и, может быть, гордился этой мыслью... (стр. 2)

Толкование: Внутреннего давления, в качестве террора, среди граждан было меньше, когда воевали против настоящего врага – против

фашистов вместо искусственных «врагов народа» в своей стране. Мы считаем, что тоже Платонов каким-то образом ожидал такого чуда, то есть, что БУДЕТ «ТЕПЛЕЕ», БУДЕТ СОЛНЦЕ, и окончания страха в Советском Союзе. Как известно, очень многие люди были отправлены в БЕЗМОЛВНУЮ ДАЛЬНЮЮ ЗЕМЛЮ, то есть, в Сибирь в Гулаг. В то время (в 1930-1941 годах), Платонов также боялся за свою семью и друзей.

5.6 Знание о целях героев

В прекрасном и яростном мире Платонов передает нам развитие машиниста Мальцева с «негативного героя» в «положительный герой» по методу соцреализма.

Согласно догмам соцреализма понятие «негативный герой» не требует отражать в тексте плохие стороны государства или общества, а оно показывает неразвитость и отрицательное желание «старым человеком» стать «новым человеком» (Reunanen 1995: 129). Такой «негативный герой» был и Платонов почти до конца своей жизни. Окончательно, «негативный герой» рассказа, Александр Васильевич Мальцев понимал «всё», то есть, условия «игры». Он станет «положительным героем» и «новым, здоровым человеком», как требовал метод творческого создания соцреализма. Платонов стал также понимать «все» в своей жизни, и принимал неизменяемых фактов общества и государства.

Мы понимаем эту метафорическую ПЕРЕДАЧУ. Этими двусмысленными словами рассказа он передает также историю своего личного ПУТИ ПОРОВОЗОМ «ИС». В конце ПУТИ, с 1939 года он почти все время проводит дома и старается всех от себя «отваживать» (Гончаров & Нехотин 2006). Ему было тяжело видеть, что в развитии истории ОБРАТНОГО ПУТИ нет, и в конце пути он одобрил этот факт: другой возможности не существовало.

Цитата 16:

... - Завтра в десять тридцать я поведу состав. Если будешь сидеть тихо, я возьму тебя в машину. Мальцев согласился.

- Ладно. Я буду смирным. Дай мне там в руки что-нибудь, дай реверс подержать: я крутить его не буду.

- Крутить его ты не будешь! подтвердил я. — Если покрутишь, я тебе дам в руки кусок угля и больше сроду не возьму на паровоз.

Слепой промолчал; он настолько хотел снова побыть на паровозе, что смирился передо мной. ...(стр. 6)

Толкование: В конце рассказа, когда Мальцев опять вступает в Поезд, как НОРМАЛЬНЫЕ Пассажиры или машинисты, он обещал не мешать, не крутить реверс, а ехать спокойно до конца пути, который указан построен кем-то другим.

Цитата 17:

... Превжний, совершенный мастер машины стремился превозмочь в себе недостаток зрения и чувствовать мир другими средствами, чтобы работать и оправдать свою жизнь. ...(стр. 6)

Толкование: "пП" искал способы выразить свои смыслы таким образом, что никто не мог сказать, что он СЛЕПОЙ человек. Он нашел такой способ писать, ЧТОБЫ РАБОТАТЬ И ОПРАВДАТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ. Этот маленький рассказ является свидетелем этого. У нас создалось и такое чувство, что Платонов хотел каким-то-образом извиниться за то, что «так получилось» и он один ничего не мог с этим поделать .

Цитата 18:

... Но на последнем перегоне нам светил навстречу желтый светофор. ...< >...

- Я вижу желтый свет, сказал он и повел рукоятку тормоза на себя.

- А может быть, ты опять только воображаешь, что видишь свет! сказал я Мальцеву.

Он повернул ко мне свое лицо и заплакал. Я подошел к нему и поцеловал его в ответ:

- Веди машину до конца, Александр Васильевич: ты видишь теперь весь свет!

Толкование: Каждый человек должен прожить свою жизнь до конца и каждому необходимо знать УСЛОВИЯ ИГРЫ и ИГРАТЬ ПО НИМ – в любом обществе, в любой системе. Мы думаем, что признание этого являлось одной из целей Платонова в данном рассказе. ВЕДИ МАШИНУ ДО КОНЦА АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ: ТЫ ВИДИШЬ ТЕПЕРЬ ВЕСЬ СВЕТ!!

6 ВЫВОДЫ

Предметом нашего исследования было когнитивное толкование рассказа А. Платонова *В прекрасном и яростном мире*. Сделать это было возможно только предварительно выяснив, что такое социалистический реализм, который был основным и единственным дозволенным методом искусства в Советском Союзе. В связи с этими выяснениями, мы раскрывали также когницию Андрея Платонова, потому что текст рассказа является результатом его душевного развития и накопленного опыта вплоть до года написания рассказа в 1941 году.

Таким образом, во-первых, мы выяснили основное понятие «социалистический реализм», и его генезис, чтобы читатель научился понимать тот необыкновенный стиль, вернее метод, по которому в наррации художественного произведения было необходимо показать три важных элемента политической идеологии: партийность, народность и правдивость. Мы показали, что Платонов придерживался этих догм эксплицитно.

Во-вторых, мы изложили основы когнитивного литературоведения, включив в данное направление литературоведения теории метафоры, потому что мы считаем, что рассказ Платонова написан имплицитно метафорически. Об этом, по нашему мнению, свидетельствуют также

слова Платонова, которые сегодня можем прочесть по доносам, сделанным о Платонове. По архивам ФСБ от 1936 года, не идентифицированный доносчик передал рапорт в НКВД относительно Платонова⁹. В этом рапорте доносчик пишет, что Платонов заканчивает киносценарию для Мосфильма по желанию Кагановича¹⁰. Доносчик продолжает, что в киносценарии, по словам Платонова «немало "сильных" (с точки зрения платоновской идеологии) мест» и что «в сценарии будет много трагичного, не по внешнему действию, а по внутренней сути...» (Гончаров & Нехотин 2006.) Кинофильм не был сделан, но, мы уверены, что наррацию и мысли этого сценария включены в рассказе *В прекрасном и яростном мире*.

В связи с метафорической, или как Платонов выше говорит, внутренней сути, мы применили на практике теорию Лакоффа и Джонсона. Согласно догмам теории, мы выдвинули наш тезис относительно социалистического реализма: СОЦРЕАЛИЗМ ЕСТЬ ПЕРЕДАЧА, которую писатель передает читателю. Как следствие этого факта мы смогли выдвинуть также тезис, что СОЦРЕАЛИЗМ ЕСТЬ МЕТАФОРА. Создатели теории метафоры утверждают, что мы думаем метафорически, метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути (Lakoff & Johnson 1980: 1). Таким образом, мы обосновали наш тезис, что Платонов писал эксплицитно по методу соцреализма, а имплицитно полностью метафорически.

Основоположники и последователи когнитивного литературоведения полагают, что когнитивисты отличаются от предшественников тем, что у них одним из самых важных элементов исследования является та точка

⁹ Приложение № 3

¹⁰ Каганович Л.М. (1893-1991, прозвище «железный Лазарь») С февраля 1935 по август 1937 – нарком путей сообщения СССР. Еще до начала массовых чисток руководящего персонала арестовал более 3 тыс. человек из числа железнодорожных работников, оставив наркомат фактически без высшего и среднего управленческого персонала.

зрения, что какую информацию текст передает читателю. Когниция для когнитивистов, как мы показываем и в нашем исследовании – это процедуры, связанные с приобретением, использованием, хранением, передачей и выработкой знаний, информации. Когнитивная точка зрения исследования позволила раскрыть то, что Платонов передал нам очень много информации и знаний о себе и обстановке в СССР.

Мы показали, что исследование соцреалистической литературы с когнитивной точки зрения, дает возможность раскрыть новую, спрятанную в советской литературе информацию о реальной жизни народа в СССР и думаем, что это очень важно для исследований, в которых ищут, например, разницу между русской и советской культурами. Нам хотелось освободить русскую душу, особенно душу гениального писателя Андрея Платонова, из тисков стальной формы, в которую её отлили в 1930-х и 1940-х годах сталинского режима.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Андрей Платонов
В прекрасном и яростном мире
(Машинист Мальцев)

1

В Толубеевском депо лучшим паровозным машинистом считался Александр Васильевич Мальцев.

Ему было лет тридцать, но он уже имел квалификацию машиниста первого класса и давно водил скорые поезда. Когда в наше депо прибыл первый мощный пассажирский паровоз серии «ИС», то на эту машину назначили работать Мальцева, что было вполне разумно и правильно. Помощником у Мальцева работал пожилой человек из деповских слесарей по имени Федор Петрович Драбанов, но он вскоре выдержал экзамен на машиниста и ушел работать на другую машину, а я был, вместо Драбанова, определен работать в бригаду Мальцева помощником; до того я тоже работал помощником механика, но только на старой, маломощной машине.

Я был доволен своим назначением. Машина «ИС», единственная тогда на нашем тяговом участке, одним своим видом вызывала у меня чувство воодушевления; я мог подолгу глядеть на нее, и особая растроганная радость пробуждалась во мне — столь же прекрасная, как в детстве при первом чтении стихов Пушкина. Кроме того, я желал поработать в бригаде первоклассного механика, чтобы научиться у него искусству вождения тяжелых скоростных поездов.

Александр Васильевич принял мое назначение в его бригаду спокойно и равнодушно; ему было, видимо, все равно, кто у него будет состоять в помощниках.

Перед поездкой я, как обычно, проверил все узлы машины, испытал все ее обслуживающие и вспомогательные механизмы и успокоился, считая машину готовой к поездке. Александр Васильевич видел мою работу, он следил за ней, но после меня собственными руками снова проверил состояние машины, точно он не доверял мне.

Так повторялось и впоследствии, и я уже привык к тому, что Александр Васильевич постоянно вмешивался в мои обязанности, хотя и огорчался молчаливо. Но обыкновенно, как только мы были в ходу, я забывал про свое огорчение. Отвлекаясь вниманием от приборов, следящих за состоянием бегущего паровоза, от наблюдения за работой левой машины и пути впереди, я посматривал на Мальцева. Он вел состав с отважной уверенностью великого мастера, с сосредоточенностью вдохновенного артиста, вобравшего весь внешний мир в свое внутреннее переживание и поэтому властвующего над ним. Глаза Александра Васильевича глядели вперед отвлеченно, как пустые, но я знал, что он видел ими всю дорогу впереди и всю природу, несущуюся нам навстречу, — даже воробей, сметенный с балластного откоса ветром вонзающейся в пространство машины, даже этот воробей привлекал взор Мальцева, и он поворачивал на мгновение голову вслед за воробьем: что с ним станет после нас, куда он полетел.

По нашей вине мы никогда не опаздывали; напротив, часто нас задерживали на промежуточных станциях, которые мы должны проследовать с ходу, потому что мы шли с нагоном времени и нас посредством задержек обратно вводили в график.

Обычно мы работали молча; лишь изредка Александр Васильевич, не оборачиваясь в мою сторону, стучал ключом по котлу, желая, чтобы я обратил свое внимание на какой-нибудь непорядок в режиме работы машины, или подготавливая меня к резкому изменению этого режима, чтобы я был бдителен. Я всегда понимал безмолвные указания своего старшего товарища и работал с полным усердием, однако механик по-прежнему относился ко мне, равно и к смазчику-кочегару, отчужденно и постоянно проверял на стоянках пресс-масленки, затяжку болтов в дышловых узлах, опробовал буксы на ведущих осях и прочее. Если я только что осмотрел и смазал какую-либо рабочую трущуюся часть, то Мальцев вслед за мной снова ее осматривал и смазывал, точно не считая мою работу действительной.

— Я, Александр Васильевич, этот крейцкопф уже проверил, — сказал я ему однажды, когда он стал проверять эту деталь после меня.

— А я сам хочу, — улыбнувшись, ответил Мальцев, и в улыбке его была грусть, поразившая меня.

Позже я понял значение его грусти и причину его постоянного равнодушия к нам. Он чувствовал свое превосходство перед нами, потому что понимал машину точнее, чем мы, и

он не верил, что я или кто другой может научиться тайне его таланта, тайне видеть одновременно и попутного воробья, и сигнал впереди, ощущая в тот же момент путь, вес состава и усилие машины. Мальцев понимал, конечно, что в усердии, в старательности мы даже можем его превозмочь, но не представлял, чтобы мы больше его любили паровоз и лучше его водили поезда, — лучше, он думал, было нельзя. И Мальцеву поэтому было грустно с нами; он скучал от своего таланта, как от одиночества, не зная, как нам высказать его, чтобы мы поняли.

И мы, правда, не могли понять его умения. Я попросил однажды разрешить повести мне состав самостоятельно; Александр Васильевич позволил мне проехать километров сорок и сел на место помощника. Я повел состав, и через двадцать километров уже имел четыре минуты опоздания, а выходы с затяжных подъемов преодолевал со скоростью не более тридцати километров в час. После меня машину повел Мальцев; он брал подъемы со скоростью пятидесяти километров, и на кривых у него не забрасывало машину, как у меня, и он вскоре нагнал упущенное мною время.

2

Около года я работал помощником у Мальцева, с августа по июль, и 5 июля Мальцев совершил свою последнюю поездку в качестве машиниста курьерского поезда...

Мы взяли состав в восемьдесят пассажирских осей, опоздавший до нас в пути на четыре часа. Диспетчер вышел к паровозу и специально попросил Александра Васильевича сократить, сколь возможно, опоздание поезда, свести это опоздание хотя бы к трем часам, иначе ему трудно будет выдать порожняк на соседнюю дорогу. Мальцев пообещал ему нагнать время, и мы тронулись вперед.

Было восемь часов пополудни, но летний день еще длился, и солнце сияло с торжественной утренней силой. Александр Васильевич потребовал от меня держать все время давление пара в котле лишь на полатмосферы ниже предельного.

Через полчаса мы вышли в степь, на спокойный мягкий профиль. Мальцев довел скорость хода до девяноста километров и ниже не сдавал, наоборот — на горизонталях и малых уклонах доводил скорость до ста километров. На подъемах я форсировал топку до предельной возможности и заставлял кочегара вручную загружать шуровку, в помощь стоккерной машине, ибо пар у меня садился.

Мальцев гнал машину вперед, отведя регулятор на всю дугу и отдав реверс на полную отсечку. Мы теперь шли навстречу мощной туче, появившейся из-за горизонта. С нашей стороны тучу освещало солнце, а изнутри ее рвали свирепые, раздраженные молнии, и мы видели, как мечи молний вертикально вонзались в безмолвную дальнюю землю, и мы бешено мчались к той дальней земле, словно спеша на ее защиту. Александра Васильевича, видимо, увлекло это зрелище: он далеко высунулся в окно, глядя вперед, и глаза его, привыкшие к дыму, к огню и пространству, блестели сейчас воодушевлением. Он понимал, что работа и мощность нашей машины могла идти в сравнение с работой грозы, и, может быть, гордился этой мыслью.

Вскоре мы заметили пыльный вихрь, несшийся по степи нам навстречу. Значит, и грозовую тучу несла буря нам в лоб. Свет потемнел вокруг нас; сухая земля и степной песок засвистели и заскрежетали по железному телу паровоза; видимости не стало, и я пустил турбодинамо для освещения и включил лобовой прожектор впереди паровоза. Нам теперь трудно было дышать от горячего пыльного вихря, забивавшегося в кабину и удвоенного в своей силе встречным движением машины, от топочных газов и раннего сумрака, обступившего нас. Паровоз с воем пробивался вперед, в смутный, душный мрак — в щель света, создаваемую лобовым прожектором. Скорость упала до шестидесяти километров; мы работали и смотрели вперед, как в сновидении.

Вдруг крупная капля ударила по ветровому стеклу — и сразу высохла, испитая жарким ветром. Затем мгновенный синий свет вспыхнул у моих ресниц и проник в меня до самого содрогнувшегося сердца; я схватился за кран инжектора, но боль в сердце уже отошла от меня, и я сразу поглядел в сторону Мальцева — он смотрел вперед и вел машину, не изменившись в лице.

— Что это было? — спросил я у кочегара.

— Молния, — сказал он. — Хотела в нас попасть, да маленько промахнулась.

Мальцев расслышал наши слова.

— Какая молния? — спросил он громко.

— Сейчас была, — произнес кочегар.

— Я не видел, — сказал Мальцев и снова обратился лицом наружу.

— Не видел! — удивился кочегар. — Я думал — котел взорвался, во как засветило, а он не видел.

Я тоже усомнился, что это была молния.

— А гром где? — спросил я.

— Гром мы проехали, — объяснил кочегар. — Гром всегда после бьет. Пока он вдарил, пока воздух расшатал, пока туда-сюда, мы уже прочь его пролетели. Пассажиры, может, слышали, — они сзади.

Далее мы вошли в ливень, но скоро миновали его и выехали в утихшую, темную степь, над которой неподвижно покоились смиренные, изработавшиеся тучи.

Потемнело вовсе, и наступила спокойная ночь. Мы ощущали запах сырой земли, благоухание трав и хлебов, налитых дождем и грозой, и неслись вперед, нагоняя время.

Я заметил, что Мальцев стал хуже вести машину — на кривых нас забрасывало, скорость доходила то до ста с лишним километров, то снижалась до сорока. Я решил, что Александр Васильевич, наверно, очень устал, и поэтому ничего не сказал ему, хотя мне было очень трудно держать в наилучшем режиме работу топки и котла при таком поведении механика. Однако через полчаса мы должны остановиться для набора воды, и там, на остановке, Александр Васильевич поест и немного отдохнет. Мы уже нагнали сорок минут, а до конца нашего тягового участка мы нагоним еще не менее часа.

Все же я обеспокоился усталостью Мальцева и стал сам внимательно глядеть вперед — на путь и на сигналы. С моей стороны, над левой машиной, горела на весу электрическая лампа, освещающая машущий, дышловый механизм. Я хорошо видел напряженную, уверенную работу левой машины, но затем лампа над нею припотухла и стала гореть бедно, как одна свечка. Я обернулся в кабину. Там тоже все лампы горели теперь в четверть накала, еле освещая приборы. Странно, что Александр Васильевич не постучал мне ключом в этот момент, чтобы указать на такой беспорядок. Ясно было, что турбодинамо не давала расчетных оборотов и напряжение упало. Я стал регулировать турбодинамо через паропровод и долго возился с этим устройством, но напряжение не поднималось.

В это время туманное облако красного света прошло по циферблатам приборов и потолку кабины. Я выглянул наружу.

Впереди, во тьме, близко или далеко — нельзя было установить, красная полоса света колебалась поперек нашего пути. Я не понимал, что это было, но понял, что надо делать.

— Александр Васильевич! — крикнул я и дал три гудка остановки.

Раздались взрывы петард под бандажими наших колес. Я бросился к Мальцеву; он обернул ко мне свое лицо и поглядел на меня пустыми покойными глазами. Стрелка на циферблате тахометра показывала скорость в шестьдесят километров.

— Мальцев! — закричал я. — Мы петарды давим! — и протянул руку к управлению.

— Прочь! — воскликнул Мальцев, и глаза его засияли, отражая свет тусклой лампы над тахометром.

Он мгновенно дал экстренное торможение и перевел реверс назад.

Меня прижало к котлу, я слышал, как выли бандажии колес, стругавшие рельсы.

— Мальцев! — сказал я. — Надо краны цилиндров открыть, машину сломаем.

— Не надо! Не сломаем! — ответил Мальцев.

Мы остановились. Я закачал инжектором воду в котел и выглянул наружу. Впереди нас, метрах в десяти, стоял на нашей линии паровоз, тендером в нашу сторону. На тендере находился человек; в руках у него была длинная кочерга, раскаленная на конце до красного цвета; ею и махал он, желая остановить курьерский поезд. Паровоз этот был толкачом товарного состава, остановившегося на перегоне.

Значит, пока я налаживал турбодинамо и не глядел вперед, мы прошли желтый светофор, а затем и красный и, вероятно, не один предупреждающий сигнал путевых обходчиков. Но отчего эти сигналы не заметил Мальцев?

— Костя! — позвал меня Александр Васильевич.

Я подошел к нему.

— Костя! Что там впереди нас?

Я объяснил ему.

— Костя... Дальше ты поведешь машину, я ослеп.

На другой день я привел обратный состав на свою станцию и сдал паровоз в депо, потому что у него на двух скатах слегка сместились бандажии. Доложив начальнику депо о происшествии, я повел Мальцева под руку к месту его жительства; сам Мальцев был в тяжком удручении и не пошел к начальнику депо.

Мы еще не дошли до того дома на заросшей травой улице, в котором жил Мальцев, как он попросил меня оставить его одного.

— Нельзя, — ответил я. — Вы, Александр Васильевич, слепой человек.

Он посмотрел на меня ясными, думающими глазами.

— Теперь я вижу, ступай домой... Я вижу все — вон жена вышла встретить меня.

У ворот дома, где жил Мальцев, действительно стояла в ожидании женщина, жена Александра Васильевича, и ее открытые черные волосы блестели на солнце.

— А у нее голова покрытая или безо всего? — спросил я.

— Без, — ответил Мальцев. — Кто слепой — ты или я?

— Ну, раз видишь, то смотри, — решил я и отошел от Мальцева.

3

Мальцева отдали под суд, и началось следствие. Меня вызвал следователь и спросил, что я думаю о происшествии с курьерским поездом. Я ответил, что думал, — что Мальцев не виноват.

— Он ослеп от близкого разряда, от удара молнии, — сказал я следователю. — Он был контужен, и нервы, которые управляют зрением, были у него повреждены... Я не знаю, как это нужно сказать точно.

— Я вас понимаю, — произнес следователь, — вы говорите точно. Это все возможно, но не достоверно. Ведь сам Мальцев показал, что он молнии не видел.

— А я ее видел, и смазчик ее тоже видел.

— Значит, молния ударила ближе к вам, чем к Мальцеву, — рассуждал следователь. — Почему же вы и смазчик не контужены, не ослепли, а машинист Мальцев получил контузию зрительных нервов и ослеп? Как вы думаете?

Я стал в тупик, а затем задумался.

— Молнию Мальцев увидеть не мог, — сказал я.

Следователь удивленно слушал меня.

— Он увидеть ее не мог. Он ослеп мгновенно — от удара электромагнитной волны, которая идет впереди света молнии. Свет молнии есть последствие разряда, а не причина молнии. Мальцев был уже слепой, когда молния засветилась, а слепой не мог увидеть света.

— Интересно, — улыбнулся следователь. — Я бы прекратил дело Мальцева, если бы он и сейчас был слепым. Но вы же знаете, теперь он видит так же, как мы с вами.

— Видит, — подтвердил я.

— Был ли он слепым, — продолжал следователь, — когда на огромной скорости вел курьерский поезд в хвост товарному поезду?

— Был, — подтвердил я.

Следователь внимательно посмотрел на меня.

— Почему же он не передал управление паровозом вам или, по крайней мере, не приказал вам остановить состав?

— Не знаю, — сказал я.

— Вот видите, — говорил следователь. — Взрослый сознательный человек управляет паровозом курьерского поезда, везет на верную гибель сотни людей, случайно избегает катастрофы, а потом оправдывается тем, что он был слеп. Что это такое?

— Но ведь он и сам бы погиб! — говорю я.

— Вероятно. Однако меня больше интересует жизнь сотен людей, чем жизнь одного человека. Может быть, у него были свои причины погибнуть.

— Не было, — сказал я.

Следователь стал равнодушен; он уже заскучал от меня, как от глупца.

— Вы все знаете, кроме главного, — в медленном размышлении сказал он. — Вы можете идти.

От следователя я пошел на квартиру Мальцева.

— Александр Васильевич, — сказал я ему, — почему вы не позвали меня на помощь, когда ослепли?

— А я видел, — ответил он. — Зачем ты нужен мне был?

— Что вы видели?

— Все: линию, сигналы, пшеницу в степи, работу правой машины — я все видел...

Я озадачился.

— А как же так у вас вышло? Вы проехали все предупреждения, вы шли прямо в хвост другому составу...

Бывший механик первого класса грустно задумался и тихо ответил мне, как самому себе:

— Я привык видеть свет, и я думал, что вижу его, а я видел его тогда только в своем уме, в воображении. На самом деле я был слепой, но я этого не знал. Я и в петарды не поверил, хотя и услышал их: я подумал, что ослышался. А когда ты дал гудки остановки и закричал мне, я видел впереди зеленый сигнал, я сразу не догадался.

Теперь я понял Мальцева, но не знал, почему он не скажет о том следователю — о том, что после того, как он ослеп, он еще долго видел мир в своем воображении и верил в его действительность. И я спросил об этом Александра Васильевича.

— А я ему говорил, — ответил Мальцев.

— А он что?

— «Это, говорит, ваше воображение было; может, вы и сейчас воображаете что-нибудь, я не знаю. Мне, говорит, нужно установить факты, а не ваше воображение или мнительность. Ваше воображение — было оно или нет — я проверить не могу, оно было лишь у вас в голове; это ваши слова, а крушение, которое чуть-чуть не произошло, — это действие».

— Он прав, — сказал я.

— Прав, я сам знаю, — согласился машинист. — И я тоже прав, а не виноват. Что же теперь будет?

— В тюрьме сидеть будешь, — сообщил я ему.

4

Мальцева посадили в тюрьму. Я по-прежнему ездил помощником, но только уже с другим машинистом — осторожным стариком, тормозившим состав еще за километр до желтого светофора, а когда мы подъезжали к нему, то сигнал переделывался на зеленый, и старик опять начинал волочить состав вперед. Это была не работа: я скучал по Мальцеву.

Зимой я был в областном городе и посетил своего брата, студента, жившего в университетском общежитии. Брат сказал мне среди беседы, что у них, в университете, есть в физической лаборатории установка Тесла для получения искусственной молнии. Мне пришло в голову некоторое соображение, неуверенное и еще не ясное для меня самого.

Возвратившись домой, я обдумал свою догадку относительно установки Тесла и решил, что моя мысль правильна. Я написал письмо следователю, ведшему в свое время дело Мальцева, с просьбой испытать заключенного Мальцева на подверженность его действию электрических разрядов. В случае, если будет доказана подверженность психики Мальцева либо его зрительных органов действию близких внезапных электрических разрядов, то дело Мальцева надо пересмотреть. Я указал следователю, где находится установка Тесла и как нужно произвести опыт над человеком.

Следователь долго не отвечал мне, но потом сообщил, что областной прокурор согласился произвести предложенную мною экспертизу в университетской физической лаборатории.

Через несколько дней следователь вызвал меня повесткой. Я пришел к нему взволнованный, заранее уверенный в счастливом решении дела Мальцева.

Следователь поздоровался со мной, но долго молчал, медленно читая какую-то бумагу печальными глазами; я терял надежду.

— Вы подвели своего друга, — сказал затем следователь.

— А что? Приговор остается прежний?

— Нет. Мы освободим Мальцева. Приказ уже дан, — может быть, Мальцев уже дома.

— Благодарю вас. — Я встал на ноги перед следователем.

— А мы вас благодарить не будем. Вы дали плохой совет: Мальцев опять слепой...

Я сел на стул в усталости, во мне мгновенно сгорела душа, и я захотел пить.

— Эксперты без предупреждения, в темноте, провели Мальцева под установкой Тесла, — говорил мне следователь. — Включен был ток, произошла молния, и раздался резкий удар. Мальцев прошел спокойно, но теперь он снова не видит света — это установлено объективным путем, судебно-медицинской экспертизой.

Следователь попил воды и добавил:

— Сейчас он опять видит мир только в одном своем воображении... Вы его товарищ, помогите ему.

— Может быть, к нему опять вернется зрение, — высказал я надежду, — как было тогда, после паровоза...

Следователь подумал.

— Едва ли... Тогда была первая травма, теперь вторая. Рана нанесена по раненому месту.

И, не сдерживаясь более, следователь встал и в волнении начал ходить по комнате.

— Это я виноват... Зачем я послушался вас и, как глупарь, настоял на экспертизе! Я рисковал человеком, а он не вынес риска.

— Вы не виноваты, вы ничем не рисковали, — утешил я следователя. — Что лучше — свободный слепой человек или зрячий, но невинно заключенный?

— Я не знал, что мне придется доказать невинность человека посредством его несчастья, — сказал следователь. — Это слишком дорогая цена.

— Вы следователь, — объяснил я ему. — Вы должны знать про человека все, и даже то, чего он сам про себя не знает...

— Я вас понимаю, вы правы, — тихо произнес следователь.

— Вы не волнуйтесь, товарищ следователь... Тут действовали факты внутри человека, а вы искали их только снаружи. Но вы сумели понять свой недостаток и поступили с Мальцевым как человек благородный. Я вас уважаю.

— Я вас тоже, — сознался следователь. — Знаете, из вас мог бы выйти помощник следователя...

— Спасибо, но я занят: я помощник машиниста на курьерском паровозе.

Я ушел. Я не был другом Мальцева, и он ко мне всегда относился без внимания и заботы. Но я хотел защитить его от горя судьбы, я был ожесточен против роковых сил, случайно и равнодушно уничтожающих человека; я почувствовал тайный, неуловимый расчет этих сил — в том, что они губили именно Мальцева, а, скажем, не меня. Я понимал, что в природе не существует такого расчета в нашем человеческом, математическом смысле, но я видел, что происходят факты, доказывающие существование враждебных, для человеческой жизни губительных обстоятельств, и эти губительные силы сокрушают избранных, возвышенных людей. Я решил не сдаваться, потому что чувствовал в себе нечто такое, чего не могло быть во внешних силах природы и в нашей судьбе, — я чувствовал свою особенность человека. И я пришел в ожесточение и решил воспротивиться, сам еще не зная, как это нужно сделать.

5

На следующее лето я сдал экзамен на звание машиниста и стал ездить самостоятельно на паровозе серии «СУ», работая на пассажирском местном сообщении. И почти всегда, когда я подавал паровоз под состав, стоявший у станционной платформы, я видел Мальцева, сидевшего на крашеной скамейке. Облокотившись рукою на трость, поставленную между ног, он обращал в сторону паровоза свое страстное, чуткое лицо с опустевшими слепыми глазами, и жадно дышал запахом гари и смазочного масла и внимательно слушал ритмичную работу паровоздушного насоса. Утешить его мне было нечем, и я уезжал, а он оставался.

Шло лето; я работал на паровозе и часто видел Александра Васильевича — не только на вокзальной платформе, но встречал его и на улице, когда он медленно шел, ощупывая дорогу тростью. Он осунулся и постарел за последнее время; жил он в достатке — ему определили пенсию, жена его работала, детей у них не было, но тоска, безжизненная участь снедали Александра Васильевича, и тело его худело от постоянного горя. Я с ним иногда разговаривал, но видел, что ему скучно было беседовать о пустяках и довольствоваться моим любезным утешением, что и слепой — это тоже вполне полноправный, полноценный человек.

— Прочь! — говорил он, выслушав мои доброжелательные слова.

Но я тоже был сердитый человек, и, когда, по обычаю, он однажды велел уходить мне прочь, я сказал ему:

— Завтра в десять тридцать я поведу состав. Если будешь сидеть тихо, я возьму тебя в машину.

Мальцев согласился.

— Ладно. Я буду смиренным. Дай мне там в руки что-нибудь, — дай реверс подержать: я крутить его не буду.

— Крутить его ты не будешь! — подтвердил я. — Если покрутишь, я тебе дам в руки кусок угля и больше сроду не возьму на паровоз.

Слепой промолчал; он настолько хотел снова побыть на паровозе, что смирился передо мной.

На другой день я пригласил его с крашеной скамейки на паровоз и сошел к нему навстречу, чтобы помочь ему подняться в кабину.

Когда мы тронулись вперед, я посадил Александра Васильевича на свое место машиниста, я положил одну его руку на реверс и другую на тормозной автомат и поверх его рук положил свои руки. Я водил своими руками, как надо, и его руки тоже работали. Мальцев сидел молчаливо и слушался меня, наслаждаясь движением машины, ветром в лицо и работой. Он сосредоточился, забыл свое горе слепца, и кроткая радость осветила изможденное лицо этого человека, для которого ощущение машины было блаженством.

В обратный конец мы ехали подобным же способом: Мальцев сидел на месте механика, а я стоял, склонившись, возле него и держал свои руки на его руках. Мальцев уже приноровился работать таким образом настолько, что мне было достаточно легкого нажима на его руку, и он с точностью ощущал мое требование. Прежний, совершенный мастер

машины стремился превозмочь в себе недостаток зрения и чувствовать мир другими средствами, чтобы работать и оправдать свою жизнь.

На спокойных участках я вовсе отходил от Мальцева и смотрел вперед со стороны помощника.

Мы уже были на подходе к Толубееву; наш очередной рейс благополучно заканчивался, и шли мы вовремя. Но на последнем перегоне нам светил навстречу желтый светофор. Я не стал преждевременно сокращать хода и шел на светофор с открытым паром. Мальцев сидел спокойно, держа левую руку на реверсе; я смотрел на своего учителя с тайным ожиданием...

— Закрой пар! — сказал мне Мальцев.

Я промолчал, волнуясь всем сердцем.

Тогда Мальцев встал с места, протянул руку к регулятору и закрыл пар.

— Я вижу желтый свет, — сказал он и повел рукоятку тормоза на себя.

— А может быть, ты опять только воображаешь, что видишь свет! — сказал я Мальцеву.

Он повернул ко мне свое лицо и заплакал. Я подошел к нему и поцеловал его в ответ:

— Веди машину до конца, Александр Васильевич: ты видишь теперь весь свет!

Он довел машину до Толубеева без моей помощи. После работы я пошел вместе с Мальцевым к нему на квартиру, и мы вместе с ним просидели весь вечер и всю ночь.

Я боялся оставить его одного, как родного сына, без защиты против действия внезапных и враждебных сил нашего прекрасного и яростного мира.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) "О перестройке литературно-художественных организаций" 23 апреля 1932 г.

№ 97. п. 21 — Организационные вопросы в литературе и искусстве (ПБ от 8.III.1932 г., пр. № 91, п. 50/18) (т. Каганович. Авербах. Панферов). Принять проект предложений, внесенный т. Кагановичем (см. приложение), и опубликовать в печати.

Приложение к п.21 пр. №97 от 23 апреля 1932 г.

О перестройке литературно-художественных организаций

1. ЦК констатирует, что за последние годы на основе значительных успехов социалистического строительства достигнут большой как количественный, так и качественный рост литературы и искусства.

Несколько лет тому назад, когда в литературе налицо было еще значительное влияние чуждых элементов, особенно оживившихся в первые годы нэпа, а кадры пролетарской литературы были еще слабы, партия всемерно помогала созданию и укреплению особых пролетарских организаций в области литературы и [других видов] искусства в целях укрепления позиций пролетарских *писателей и работников* искусства [и содействия росту кадров пролетарских писателей и художников].

В настоящее время, когда успели уже вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик, колхозов, рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций (ВОАПП, РАПП, РАМП** и др.) становятся уже узкими и тормозят серьезный размах [литературного и] художественного творчества.

Это обстоятельство создает опасность превращения этих 173 организаций *из средства* наибольшей мобилизации [действительно] советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва [иногда] от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству [и готовых его поддержать].

Отсюда необходимость соответствующей перестройки литературно-художественных организаций и расширения базы их работы.

Исходя из этого, ЦК ВКП(б) постановляет:

- 1) ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП);
- 2) объединить всех писателей, *поддерживающих платформу Советской* [стоящих за политику советской] власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем;

3) провести аналогичное *изменение по линии других видов искусства* [объединение музыкантов, композиторов, художников, архитекторов и т.п. организаций];

4) поручить Оргбюро разработать практические меры по проведению этого решения.

* Выделенные курсивом слова вписаны в текст Сталиным, слова в квадратных скобках зачеркнуты им.

** Так в тексте. Правильно - РАПМ.

Опубликовано: Партийное строительство. 1932. №9. С.62.

Выверено по изданию: Власть и художественная интеллигенция.

Документы ЦК РКП(б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917-1953. Под ред. А.Н.Яковлева. Сост. А.Н.Артизов, О.В.Наумов. М.: Международный фонд "Демократия", 1999.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

<19> ДОНЕСЕНИЕ

СЕКРЕТНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НКВД СССР (108)

Был у писателя А. ПЛАТОНОВА — заканчивающего теперь сценарий для Мосфильма. История этого сценария в передаче А. Платонова такова: — "Каганович выразил пожелание иметь кинофильм из железнодорожного фильма (109). ЦК ВКП(б) предложил осуществить это Мосфильму и Ленфильму" (110).

Представители Мосфильма и Ленфильма (А. Плотровский <sic> (111)) обратились к Платонову с предложением срочно дать сценарий на железнодорожные темы и обещали плату в размере 25.000 рублей.

Мосфильм заключил договор с А. ПЛАТОНОВЫМ и сценарий должен быть готов к 15 июня.

ПЛАТОНОВ назвал этот сценарий "Марфа" (ориентировочное название) по имени главного действующего лица — 18-тилетней прекрасной горбуны (112), дочери и жены машинистов.

В киносценарии, по словам ПЛАТОНОВА, немало "сильных" (с точки зрения платоновской идеологии) мест. Начинается сценарий с кадра "идет с опущенной головой забинтованный человек, поодаль отчужденно сестра милосердия, сзади охранник с наганом в руке (человек этот машинист)".

Одним из действующих лиц сценария является сам тов. Каганович. Как говорит сам ПЛАТОНОВ, он выводит тов. Кагановича "несчастливым человеком".

Время действия — год назад. КАГАНОВИЧ только что стал наркомом путей сообщения, не знает, что ему делать, за что приняться. "Спросить не у кого".

В угловатой железнодорожной шинели он бродит по путям, "везде пусто, поезда не идут, запустение, неразбериха".

КАГАНОВИЧ наталкивается на паровоз, холодный, со снятыми частями. Спрашивает паровоз — "будешь возить". Паровоз отвечает — "от тебя зависит". Ночь. КАГАНОВИЧ в шинели спиной к зрителям стоит с громадным паровозным колесом. Получается впечатление маленького ничтожного человека. "Это само собой выйдет, — подчеркивает ПЛАТОНОВ — а я это имею в виду".

Потом на паровозе оказывается безработный машинист, который разговаривал с КАГАНОВИЧЕМ. КАГАНОВИЧ пьет с ним чай...

Выведен в сценарии и "толкач". Проныра и жох, проталкивающий вагоны для организации. В конце концов назначают этого толкача, который умудряется по сценарию проталкивать вагоны даже через маникюршу, дальнюю родственницу одного из железнодорожников, — начальником станции.

Мотивируется это назначение у ПЛАТОНОВА так: "Если он по блату умел составы переправлять, так он уже на законном основании всю республику вывезет".

Имеются в сценарии и иные кадры, в которых ярко сказывается едкая ирония

ПЛАТОНОВА. Тов. КАГАНОВИЧ из-за закрытой двери разговаривает с горбуньей. Уходит. Горбунья страшно торопится, открывает окно и кричит ему вслед: "Постойте, я забыла Вам сказать — да здравствует тов. Каганович".

То и дело по сценарию стоящие люди, мастера своего дела, оказываются отстраненными от работы, ложно обвиненными. **ПЛАТОНОВ сам говорит, что в сценарии будет много трагичного, не по внешнему действию, а по внутренней сути.**

Сценарий будет сдан 15 июня. По словам ПЛАТОНОВА, у него на примете есть даже годная для съемок горбунья.

<Верно:> Начальник СПО ГУГБ НКВД <подпись>
(Ф. К 1 ос. Оп. 11. Д. 52. Л. 36-38. Копия. Машинопись)

ИСТОЧНИК:

Платонов, Андрей, В прекрасном и яростном мире. (Машинист Мальцев). *Избранные произведения: Рассказы. Повести*. Москва: Мысль, 1983. Добавлено в электронную библиотеку 14.05.05 <http://library.ru/text/> 16.5.2006

ЛИТЕРАТУРА:

Елисеев, И.А. & Полякова, Л.Г. *Словарь литературоведческих терминов*. Ростов на Дону: Феникс, 2002.

Громов, Е. Сталин: пути эстетического утилитаризма, *Вопросы литературы*, Выпуск 1, Москва, 1992.

Чалмаев, Виктор, Вступительная статья и комментарии к книге Платонова, М.А. *Андрей Платонов, государственный житель*. Проза, письма. Москва: Советский писатель, 1988.

Aristoteles, *Runousoppi*. Suom. Pentti Saarikoski. Helsinki: Otava, 1967.

Hautamäki, Antti, *Kognitiotiede*. Helsinki: Gaudeamus, 1988.

Johnson, Mark, *The Body in the Mind, the Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason*, Chicago: The University of Chicago Press, 1987.

Kajannes, Katriina & Kirstinä, Leena, *Kirjallisuus, kieli ja kognitio*. Helsinki: Yliopistopaino, 2000.

Lakoff, George & Johnson, Mark, *Metaphors We live by*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.

Lakoff, George & Turner, Mark, *More than a Cool Reason, F Field Guide to Poetic Metaphor*, Chicago: The University of Chicago Press, 1989.

Moynahan, Brian, *Venäjän vuosisata*. Suom. Esa Adrian. Helsinki: Tammi, 1994

Peuranen, Erkki, *Takaisin Venäjälle: kirjoituksia kulttuurista 1986-1995*. Jyväskylä: Atena, 1995.

Granholtm, Leif, Russia! Laaja venäläisen taiteen näyttely New Yorkissa. *Venäjän aika* 1, 2006.

Pesonen, Pekka, Sosialistisen realismin peruskäsitteistä. *Aspekti nro 2*, Suomen venäjänkielen Opettajien Yhdistys, 1978.

Из интернета:

Басинский, Павел, К 70-летию союза писателей СССР: Союз – Аполлон. *Литературная газета*, № 30 (5981) 28.7. – 3.8.2004.
<http://www.lgz.ru/> 16.5.2006

Беляев, Александр, Лирический порох решили держать сухим, Первому съезду писателей 70 лет. *Российская газета*, 17.8. 2004 г.
<http://www.rg.ru/> 16.5.2006

Блэк, Макс, Метафора /Сб. *Теория метафоры*, Пер. М.А. Дмитривской Москва, 1990.
www.irs.ru/

Борисова, Л.В., 28.10.2003 - 28.12. 2003, ТГУ, Тверь, *Рефлексия. Смысл. Герменевтика*, К проблеме интерпретации литературного текста.
www.auditorium.ru/aud/v/index _ конференции 16.5.2006

Гончаров, Владимир & Нехотин, Владимир, Форум Хроноса, *Энциклопедия Платонова: Андрей Платонов в документах ОГПУ-НКВД-НКГБ 1930-1945*.
http://www.hrono.ru/proza/platonov_a/nkvd.html

Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода, *Вопросы языкознания*, № 4, 1994,
www.infolex.ru/Cogni.html

Дэвидсон, Дональд, Что означают метафоры / Сб. *Теория метафоры*, Пер. М.А. Дмитривской. Москва, 1990.
www.irs.ru/~alshev/davidson.htm

Корниенко, Наталия, Электронная библиотека Im Werden, "Я прожил жизнь", *основные даты жизни и творчества А. П. Платонова*.
http://www.imwerden.de/pdf/o_platonove_kornienko_biografija

Моциэнк, В.Э. *Первый Всесоюзный съезд советских писателей (1934 г.) и его место в литературной жизни СССР*. Воронежский университет. 2005.
<http://www.main.vsu.ru> 10.5.2006

Московские писатели - Moscow Writers, сайт 2006.
<http://mp.urbannet.ru/> 16.5.2006

Синявский Андрей, *Антология самиздата*, Что такое социалистический реализм. Стеногр. отчет. М., 1934.
<http://antology.igrunov.ru/authors/synyavsky/> 16.5.2006

Шохина, В. *О Фельдфебелях, карнавале и заговоре чувств.*
<http://www.pseudology.org/babel/Predtech1.htm> - 62k.